

Е.Ш.

22943

1182.

П. В. Никольский.
препод. Всев. дух. семи-

ОЧЕРКИ
по истории церковной смуты
на Дону.

(Къ 200-лѣтію со дня кончины св. Митрофана
Воронежскаго).

—

№ 1182

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. И. Акинфіева и И. В. Леонтьева, Бассейная, 14.
1903.

П. В. Никольский.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ

НА ДОНУ.

22943

(Къ 200-лѣтію со дня кончины св. Митрофана
Воронежскаго).

11182

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. И. Акинфіева и И. В. Леонтьева, Бассейная, 14.
1903.

Очерки по истории церковной смуты на Дону в XVII веке.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 23 ноября 1703 года, въ Воронежѣ скончался первый мѣстный епископъ—св. Митрофанъ. Несмотря на то, что современники не оставили почти никакихъ записей о его жизни, память о немъ живо сохранялась въ мѣстномъ населеніи, и задолго до открытия его св. мощей простой пародъ чтилъ его, какъ святого, хотя не зналъ почти ничего фактическаго о его жизни. Въ этомъ случаѣ о воронежскомъ первосвятителѣ вполнѣ справедливо сказать то, что сказаълъ В. О Ключевскій о преп. Сергіи Радонежскомъ. Съ лицъ этихъ подвижниковъ уже стерлись историческія краски, изъ историческихъ имёнъ они обратились въ народную память. Народъ не можетъ сказать, чѣмъ были когда то эти лица, какими дѣяніями они прославили себя, но зато прекрасно онъ знаетъ, что они есть теперь, чѣмъ они служатъ для притекающихъ къ ихъ ходатайству: въ нихъ онъ видѣтъ дѣйствительное осуществленіе того идеала праведности, предъ которымъ преклоняется, но осуществить который сознаетъ себя безсильнымъ. Поэтому то народное чувство не смущается скучностью фактическаго материала въ житіяхъ святыхъ.

Однако должны же быть такія дѣянія, которыя уже на землѣ выдѣлили имя св. Митрофана. И они, конечно, были, но беспощадный огонь уничтожилъ самые цѣнныя памятники этихъ дѣяній, хранившіеся въ воронежскомъ архіерейскомъ приказѣ. Съ тѣхъ поръ почитателямъ памяти святителя пришлось рыться въ архивахъ, имѣвшихъ косвенное отношеніе къ святителю, и довольствоваться малыми крупицами, случайно попадавшими.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 12 Августа 1903 г.

Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

кѣмъ не объединены, и потому историческій обликъ святителя остается неяснымъ. Въ настоящихъ очеркахъ мы попытаемся выяснить историческое значеніе этого св. имени, пользуясь частью изданными, частью сырьими материалами. Но прежде чѣмъ говорить о святителѣ, считаемъ необходимымъ кратко охарактеризовать ту среду, которая испытала на себѣ его вліяніе, т. е. отмѣтить выдающіяся бытовыя особенности Донского края въ XVII столѣтіи. При этомъ мы остановимся почти исключительно на области верхняго и средняго Дона.

Мы рѣшаемся выступить съ этими очерками и потому, что въ строѣ Донской украины, равно какъ и въ дѣятельности воронежскаго первосвятителя видимъ весьма много такихъ чертъ, которые могутъ служить хорошими историческими параллелями къ переживаемому нами времени. Во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ сдѣлались теперь избитыми фразы: «настоящее время—время религіозно-нравственного упадка»; «мы переживаемъ религіозный кризисъ»; «теперь оскудѣла вѣриность завѣтамъ православія». Всѣ подобныя выраженія въ общемъ вѣрины, но, повидимому, они вытекаютъ изъ неправильнаго исторического представленія, по которому только наше время представляется временемъ кризиса, упадка и пр.; а старое время, особенно до XVIII вѣка, будто бы было сильно вѣриностью завѣтамъ православія. Эта старая русская жизнь въ такомъ случаѣ рисуется, какъ пѣчто твердо установившееся, чуждое колебаний и потрясеній.—Но какъ ни прочно утвердилось это представленіе въ нашихъ умахъ еще со школьнай скамьи, отъ него приходится отказаться или, по крайней мѣрѣ, весьма значительно ограничить его. Нѣть, жизнь всегда есть нечто текущее, мѣняющееся, и исторія подлинная ту же черту подмѣщаетъ и въ русскомъ бытѣ XVI и XVII столѣтій, повидимому, самыхъ цѣльныхъ и выдержаныхъ въ единстве міровоззрѣнія. А особенно эта измѣнчивость и неустойчивость наблюдается въ бытѣ нашихъ окраинъ, которая едва начинала тогда втягиваться въ общий потокъ русской жизни.

Поэтому, еслибы Донская Украина XVII вѣка имѣла своего лѣтописца, который воспитался бы на указанной концепціи, то и онъ сталъ бы сѣтовать на XVII вѣкъ, какъ вѣкъ кризиса, разложения и т. п. Но спокойное изученіе эпохи даетъ возможность понять, что рядомъ съ разрушителями въ

Донской украинѣ XVII вѣка были и созидатели, которые не только вносили равновѣсіе въ постоянную внутреннюю борьбу противоположныхъ настроеній, но и давали перевѣсъ положительному надѣю отрицательнымъ. Однимъ изъ такихъ созидателей и былъ святитель Митрофанъ. И своими очерками, кромѣ прямой цѣли, указанной выше, автору хотѣлось бы достичнуть другой, косвенной задачи: показать, что не должно хоронить свое время, какъ время разложения, только потому, что оно ознаменовано многими доказательствами отрицанія и сомнѣнія. Быть можетъ, мы, какъ современники, слишкомъ пессимистичны, почему не придаемъ должнаго значенія той созидательной работе, которая идетъ параллельно съ работой разрушительной. Нужно опасаться ложной идеализации современности, которая (идеализація) убаюкиваетъ и мысль и совѣсть; но такъ же опасно и разочарование человѣка, который опустилъ руки, потому что отказался отъ надежды на новорожденіе общественной жизни къ лучшему.

I.

Донская колонизация и ея вліяніе на вовченіе московской государственности.

Верхнее и среднее теченіе р. Дона насчитываетъ только три вѣка историческаго существованія. Правда, любители—археологи ведутъ исторію Донского края чуть не со временъ Геродота. Но это такая исторія, которая не имѣеть отношенія къ фактической исторіи русскаго народа. Даже, если согласиться съ тѣмъ, что спутники митрополита Пимена, плывшаго Дономъ въ концѣ XIV в., дѣйствительно, слышали о существованіи на Дону «градовъ чудныхъ» (хотя сами видѣли одну пустыню), то и тогда не придется связать этихъ градовъ съ послѣдующимъ русскимъ заселеніемъ края. До конца XVI вѣка, весь Донъ былъ почти недоступенъ для правильной колонизации, и только съ конца царствованія Иоанна Грознаго предпринимается рядъ попытокъ прикрѣпить эту область къ Москве¹⁾). Правительство строить здѣсь цѣлую сѣть городовъ и острожковъ, т. е. маленькихъ крѣпостей, обнесенныхъ де-

¹⁾ См. Очерки по истории колонизации степной окраины Москов. государства, проф. Багалѣя. Харьковъ, 1888 г.

ревянными тынами и земляными валами, куда правительство сводить служилыхъ людей изъ центральной Руси. Такъ возникли: Воронежъ, Валуйки, Усердъ, Верхососенскъ, Коротоякъ, Орловъ и др. Но такъ какъ служилое населеніе переходило сюда поневолѣ, подчиняясь приказу свыше, то оно долгое время оказывалось ненадежною силою въ дѣлѣ мѣстной колонизации.

Какъ бывшіе мирными обитателями коренныхъ русскихъ областей, эти «сведенцы» тяготились необходимостью постоянно жить насторожѣ, постоянно высматривать, нѣть ли гдѣ поблизости воровскихъ татаръ. А частыя нападенія послѣднихъ, сопровождавшіяся разграбленіемъ и сожженіемъ десятковъ и даже сотень селъ¹⁾, усиливали страхъ русскаго поселянина и мало поощряли его къ мирнымъ землемѣльческимъ занятіямъ. Правительство, повидимому, въ теченіе XVII вѣка недостаточно знакомо было съ данной территоріей и, часто предписывая селиться на одной и той же мѣстности разнымъ обществамъ, еще болѣе усиливало эту черту. Являлась масса недовольныхъ уже не одною подневольною сторожевою службой, но и этими неумѣлыми распоряженіями государственныхъ чиновниковъ. А рядомъ съ этимъ шли неудовольствія одного общества на другое, вслѣдствіе тяжбы изъ-за владѣній. Путаница земельныхъ владѣній вносила смуту въ соціальныя отношенія. Количество недовольныхъ усиливалось и тѣмъ, что правительство, повидимому, сводило въ эти города ненадежный элементъ изъ центральныхъ областей: окраина населялась подонками русского общества, служа для нихъ иногда прямую ссылкой. Здѣсь даже былъ и официальный центръ ссылки,— это новооснованный городъ Палашовъ²⁾.

Между тѣмъ въ это время шло и другое теченіе на Донъ, которое могло не смягчить, а только усилить это недовольство. Сюда уже по своей собственной волѣ бѣжали московские «сходцы», не вынесшіе тягостей нового крѣпостного права или притѣсненій со стороны московскихъ чиновниковъ. Не понимая смысла государственныхъ ограниченій и стѣсненій, они бѣжали въ «дикое поле», на тихій Донъ, котораго пока еще очень мало коснулась государственная регламентациѣ. Обычно эти искатели свободы становились въ ряды донского

¹⁾ Таковъ былъ, напр., погромъ 1613 года.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIII (1863), стр. 386.

казачества, и московское правительство вынуждено было смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, какъ бы не замѣчая, откуда они приходятъ на Донъ, и даже надѣляло ихъ правами и привилегіями.

Донское казачество, организовавшееся въ могучую силу на южномъ теченіи Дона, давало однако о себѣ знать и на среднемъ его теченіи. Какъ начавшее свое существованіе здѣсь ранѣе московскихъ «сведенцевъ», оно захватило нѣкоторыя богатыя угодья—и впослѣдствіи не хотѣло уступать ихъ новымъ жителямъ.

Такимъ образомъ, и этотъ слой населенія вносилъ двойную смуту въ мѣстную жизнь, усиливая соціальную рознь и разжигая недовольство правительствомъ. Наконецъ, сюда же въ половинѣ XVII в. (съ 1651 г.) проникло придонѣпровское казачество, основавшееся сначала, въ качествѣ казачьяго полка, въ Острогожскѣ, а затѣмъ, въ качествѣ полковыхъ сотенъ, разошедшееся по разнымъ другимъ мѣстамъ Придона. Какъ ни тяготѣло это казачество къ единовѣрной Москвѣ, но и оно было долгое время ненадежнымъ элементомъ населенія въ глазахъ правительства: земельная путаница давала поводъ и ему обнаруживать свое недовольство.

Таковъ былъ составъ Придонскаго населенія въ XVII в. Чтобы показать, какъ неудобенъ онъ былъ для возвращенія государственности и какія столкновенія оказывались неизбѣжными между этой расношерстною массою, мы перескажемъ одну тяжбу, долго занимавшую правительство. Многочисленные документы обѣ этой тяжбы сохранились и въ Московск. Архивѣ Мин. Юстиціи, и въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ и въ мѣстныхъ архивахъ¹⁾. Это тяжба между Боршевымъ монастыремъ. Коротоянскими однодворцами и острогожскими казаками.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка на среднемъ теченіи Дона возникъ Боршевскій Троицкій монастырь. Если и другие донскіе монастыри, возникшіе въ XVII в., стояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ донскимъ казачествомъ²⁾, то Боршевъ мона-

¹⁾ См., напр., Арх. Мин. Юст. Столбцы Бѣлогород. Стола. 24. 75. 192. 222. 330. 332. 336. 346. 355. 356. 370. 377. 384. 401. 436. 478. Грам. Колл. Эконом. №№ 1524/3, 1537/16, 1567/46, 1572/51 и особы. 1581/60.

²⁾ Таковы: Воронежскій Покровскій, Усть-Медведицкій, частично Воронежскій Успенскій, впослѣдствіи Донецкій-Азовскій. См. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ (Московскій). Донская дѣла старыхъ лѣтъ: связка 26, № 11 и 13; связка 28, № 2.

стырь, при самомъ своемъ основаніи, оказался своеобразной вотчиной донскихъ казаковъ. Рядомъ съ Чернѣевымъ Шапскимъ монастыремъ онъ былъ основанъ собственно для нуждъ этого казачества: сюда шли казаки не только для богомолья, но и для постриженія, особенно подъ старость. Поэтому то казаки постарались обезпечить его въ материальномъ отношеніи. Съ этою цѣлью они испросили ему богатѣйшія угодья, простиравшіяся на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности и включавшія лѣса, земли, сѣнныя покосы, часть рѣки Дона, множество рыбныхъ озеръ. На этихъ то угодьяхъ монастырь скоро сдѣлался вотчинникомъ, владѣльцемъ большого села. Въ видахъ защиты этого села отъ набѣговъ «воинскихъ людей» и особенно воровскихъ татаръ, монастырь, съ помощью того же казачества, окружилъ себя солидною крѣпостью.

Но московское правительство, нуждавшееся въ помоицѣ войска, или точнѣе, мѣстные правители московской власти, съ половины XVII вѣка уже не имѣли возможности попрежнему быть щедрыми къ донскому казачеству. И вотъ съ разрѣшѣнія правительства, въ самой срединѣ XVII в., сюда пришелъ изъ Приднѣпровья черкасскій полкъ и утвердился въ Острогожскѣ, занявъ земли по Дону, Соснѣ и др. мѣстамъ. А такъ какъ тамъ уже начали селиться дѣти боярскіе коротоякскіе, то правительство потѣшило ихъ оттуда. Послѣ цѣлаго ряда неудовольствій и открытыхъ столкновеній ушли съ Тихой Сосны, дѣти боярскіе стали селиться по сосѣству съ Боршевымъ и Покровскимъ монастыремъ, по здѣсь затронули владѣльческія права этихъ монастырей и донского казачества. Началась нескончаемая тяжба, хожденіе по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ Коротояка, Бѣлгорода и Москвы. Правительство не всегда было рѣшительно и, повидимому, не всегда могло опредѣлить границы спорныхъ владѣній. Разные досмотры, повальные обыски, допросы и т. п. тоже не всегда помогали дѣлу. Это еще болѣе усиливало недовольство въ мѣстномъ населеніи, и послѣднее часто рѣшалось на самосудѣ: не только завладѣвало чужими землями, но и «насильствомъ» гоняло съ спорной земли своихъ соперниковъ. Напр., въ одно вооруженное нападеніе игумена Боршева монастыря на с. Сторожевое въ 1650 году было сожжено и разграблено 50 дворовъ и причинено убытку на 648 р. (по тогдашнему сче-

ту) ¹⁾). Сами дѣти боярскіе, воронежскіе и коротоякскіе, тоже не оставались въ долгу и дѣлали открытыхъ нападенія и на монастыри, и на черкасъ.

Такъ шла колонизація до петровской эпохи. Дѣятельность Петра I на Дону не могла внести умиротворенія въ эти обострившіяся отношенія. Напротивъ, эта дѣятельность еще прибавила новый мотивъ для всеобщаго недовольства. Массы рабочаго люда, пришедшія въ Воронежъ съ разныхъ концовъ Руси, постоянно выражали недовольство непривычнымъ дѣломъ и разбѣгались по донскому краю. А мѣстное населеніе урѣзывалось въ своихъ земельныхъ правахъ въ пользу этихъ пришлецовъ или, что еще тяжелѣе, въ пользу «нѣмцевъ», людей безъ принциповъ, по большей части искателей приключеній. Если прибавить къ этому новые житейскіе порядки, заведенные царемъ Петромъ и въ этой отдаленной украинѣ, то мы поймемъ, чѣмъ казалась донская дѣятельность великаго царя для мѣстнаго населенія.

Эти политическія и соціальные условія, затрудняя упроченіе началъ государственности въ Донской украинѣ, поддерживали общее недовольство наличной дѣйствительностью, что и выражалось въ рядѣ мѣстныхъ беспорядковъ и волненій, отъ которыхъ непосредственно терпѣли сами же мѣстные обыватели. Но, при «благопріятныхъ» условіяхъ, это общее недовольство могло выражаться и въ волненіяхъ болѣе широкаго характера, въ дѣйствіяхъ противогосударственныхъ. И подробно говорить собственно о донскомъ казачествѣ, значить писать непрерывную исторію противоправительственныхъ движений на Дону.

Въ начаѣ XVII столѣтій Донъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ очаговъ всероссійской смуты ²⁾). Донскіе казаки сами послали къ первому самозванцу атамана Корелу съ дарами, «и биша ему челомъ, чтобъ не замѣшкать и шелъ въ Московское государство, а они всѣ ему рады» ³⁾). Когда началась походъ самозванца на Москву, то ему безъ боя сдались, между другими, города: Валуйки, Осколь, Воронежъ, Ливны, Елецъ, при чемъ современники прибавляютъ, что эти города

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Бѣлгород. Стола, 384, л. 234—298.

²⁾ См. у проф. Шлатопова, Очерки по истории смуты въ Моск. гос. XVI—XVII в.

³⁾ «Лѣтопись о мятежахъ», стр. 80. Это и дальнѣйшія извѣстія изъ исторіи смуты см. въ очеркѣ Л. Б. Вейнберга, Ворон. край. Вып. I, стр. 107—120.

переданы были своими воеводами. Дальнѣйшія извѣстія, впрочемъ, говорять, что виновниками измѣны были не воеводы, а мѣстные жители, которые принуждали воеводу къ измѣнѣ. Послѣ первого самозванца на Дону объявился лже-Петръ-терскій казакъ *Илюшка* Васильевскій, выдававшій себя за сына Федора Ioannovicha. Въ 1606 г. онъ зимовалъ на Дону и по городамъ, между прочимъ и въ Воронежѣ, провозглашалъ себя царевичемъ Петромъ. Тотчасъ же за избраніемъ Михаила Феодоровича въ Воронежскій край бѣжалъ Заруцкій съ Марию и ея сыномъ, «сжигая попадавшіеся по дорогѣ города и убивалъ воеводъ». Царское войско встрѣтило его подъ самымъ Воронежемъ, но несмотря на его численное превосходство и на изнуренность войска Заруцкаго, перевѣсь остался на сторонѣ послѣдняго. Этотъ фактъ, кажущійся страннымъ, необъяснимымъ мѣстному историку г. Вейнбергу¹⁾, будетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что Заруцкій боролся не съ населеніемъ, а съ царскимъ войскомъ, которое еще не имѣло подъ собою твердої почвы, такъ какъ населеніе по прежнему переживало смуту и плохо вѣрило въ силу новой московской власти. Официальная смута кончается 1612 годомъ, но въ дѣйствительности она продолжалась и послѣ, только теперь лѣтописцы называютъ противниковъ московской власти разбойниками, а ихъ войска — шайками. Московское правительство еще очень долгое время подозрительно смотрѣло на Донскую Україну, послыая туда войска, для очищенія края отъ этихъ разбойниковъ, усиливая сторожи не противъ однихъ татаръ, а и противъ «воинскихъ людей» вообще. О нашествіяхъ этихъ людей мы встрѣчаемъ неоднократныя указанія еще въ срединѣ XVII вѣка. Вторая вспышка противъ Москвы относится къ 70 годамъ XVII в. Это извѣстный бунтъ Стеньки Разина. Начавшись съ нижняго теченія Дона и Волги, онъ весьма замѣтно отразился и на среднемъ теченіи Дона, но уже мало коснулся Воронежа, такъ какъ зналъ, что московская государственность утвердилась здесь основательно. Вмѣсто Воронежа, главнымъ пунктомъ для нападеній Фролки Разина, брата Стеньки, теперь является недавно основанный (1646 г.) г. Коротоякъ²⁾. Правда, официальная извѣстія

¹⁾ Л. Б. Вейнбергъ. Воронежскій край. Историч. очеркъ. Выпукъ I, (1885), стр. 117.

²⁾ См. Материалы для истории Ворон. и соѣдн. губерній. Т. I: Воронежскіе акты, стр. 234—244.

говорить только о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыхъ испыталъ городъ, но можно думать, что населеніе, по крайней мѣрѣ, часть его сочувствовала бунту, — можно думать по тому подозрительному, даже придерчивому отношенію власти къ коротоячанамъ, которое бросается въ глаза въ тѣхъ же официальныхъ извѣстіяхъ¹⁾.

Коротоякскій и Острогожскій воеводы отразили нападенія разинцевъ. Но въ отсутствіе острогожского воеводы измѣна обнаружилась въ Острогожскѣ. При самомъ основаніи Острогожска (1652 г.), правительство обнаружило свое недовѣріе къ днѣпровскому казачеству тѣмъ, что поставило его подъ надзоръ своихъ воеводъ, являвшихся, такимъ образомъ, насадителями московской государственности. Отсюда двойная система управления городомъ — чрезъ полковниковъ и воеводъ. Возстаніе въ Острогожскѣ вспыхнуло подъ предводительствомъ полковника Дзинковскаго. Къ нему примкнулъ, повидимому, весь полкъ, за исключеніемъ сотни Ф. Карабута. Толпа возмутившихся выразила свой протестъ противъ Москвы обычнымъ, вездѣ въ такихъ случаяхъ практиковавшимъся, способомъ: за отсутствіемъ воеводы Ромодановскаго, она напала на приказныхъ и одного изъ нихъ, Василія Мезенцева, сбросила въ рѣку.

Виновники возстанія сложили свои головы на плахѣ, и послѣ того черкасы уже не заявляли себя открытымъ сопротивленіемъ Москвѣ. Однако недовольство существующими порядками и соціальная рознь не прекращались. События 1682 г. еще болѣе усилили ихъ. Повидимому, мѣстное населеніе изъ исторіи 1682 г. вынесло мысль объ ослабленіи московской власти. «Говориль попъ (Старой Голышевки) Проѳофій: «на Москвѣ де стало смятеніе, а наша де рука возвысилася, Боршева монастыря вотчинная земля отстанетъ де къ нему, попу, и къ его прихожанамъ»²⁾.

Отмѣтивши условія, развивавшія въ мѣстномъ населеніи соціальное недовольство и противогосударственные теченія, необходимо въ заключеніе сдѣлать существенную оговорку. Рядомъ съ этимъ, если можно приложить сюда это название, оппозиціоннымъ теченіемъ въ мѣстной жизни, шло другое, вполнѣ сочувствовавшее московской политикѣ и содѣйствовав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

²⁾ Неизданные акты Ворон. Покров. монастыря, № 65—124. См. Вор. Епарх. Вѣд., 1895 г., стр. 749.

шее ей. Съ течениемъ времени это течениѣ усиливалось, по мѣрѣ усиленія количественнаго роста собственно московскаго населенія и особенно служилыхъ людей—дѣтей боярскихъ. Такое усиленіе этого московскаго течениѧ, если не уничтожало, то подавляло оппозицію. Но невозможность виѣшиаго протеста противъ власти углубляло внутреннее недовольство населенія своимъ положеніемъ и неблагопріятно отражалось на другихъ сторонахъ жизни, въ томъ числѣ и религіозной. Особенности религіозной жизни края, впрочемъ, давали много и собственно资料а для развитія мѣстной религіозной обособленности и ослабленія церковнаго авторитета. Къ характеристицѣ этихъ религіозныхъ особенностей мы теперь и переходимъ.

II.

Церковная жизнь на Дону до учрежденія Воронежской епархіи.

Исторія церковно-религіозной жизни Донского края представляетъ только другую сторону политической его жизни. Та же неопределенность отношений до половины XVII вѣка со стороны московской церковной власти, то же развитіе самочинія въ церковномъ управлении, то же стремленіе къ централизаціи съ половины XVII вѣка и тѣ же послѣдствія, выражавшіяся въ рядѣ протестовъ противъ церковной власти, а затѣмъ и въ развитіи здѣсь раскола.

Правительственная колонизация, выражавшаяся въ устройствѣ городовъ и остроговъ, вездѣ сопровождалась устройствомъ церквей и снабженіемъ ихъ церковной утварью. И до настоящаго времени въ разныхъ городахъ Воронежской епархіи сохранились дары великихъ государей, въ видѣ евангелій, священныхъ сосудовъ и т. п. А затѣмъ правительство же принимало здѣсь непосредственное участіе въ устройствѣ монастырей и ихъ материальному обеспеченію. Такъ, въ Воронежѣ въ 1600 году былъ основанъ Успенскій монастырь—«строение царя Бориса». Въ 1620 г. царь Михаилъ Федоровичъ далъ жалованную грамоту на отводъ земли для второго Воронежскаго—Акатовскаго монастыря. Около того же времени дары были угодья Лебедянскому монастырю, при чемъ некоторые предметы церковной утвари были высланы сюда цари-

цей Марои Ивановной. Затѣмъ Донъ постепенно покрывается цѣлой сѣтью монастырей, которые почти всѣ получаютъ отъ великихъ государей земли и разныя угодья на «церковное строеніе» и на пропитаніе братіи.

Рядомъ съ этой церковно-строительной дѣятельностью правительства идетъ такая же дѣятельность мѣстнаго населенія. Въ этомъ отношеніи населеніе отличается замѣчательнымъ единодушіемъ. Откуда бы ни приходило сюда населеніе, съ какими бы чувствами оно ни относилось къ московской политикѣ, оно являлось сюда если не съ православными убѣжденіями, то съ православными настроеніями или симпатіями. Поэтому то всякое болѣе или менѣе значительное поселеніе обзаводилось церковью. Поэтому можно сказать, что внутреннее объединеніе населенія и связь его съ населеніемъ коренныхъ русскихъ областей главнымъ образомъ поддерживались этимъ религіознымъ единствомъ. Если гдѣ-нибудь, то особенно на Дону патріотизмъ питался православіемъ задолго до того времени, когда воспитать въ себѣ принципы самодержавія и самосознаніе народности. Однако и въ церковно-религіозной жизни были такие недостатки, которые, при сильномъ развитіи, подрывали уваженіе къ церковному авторитету.

Первый, недостаточно еще выясненный, вопросъ—о приходскомъ духовенствѣ. Сравнительно не трудно было построить церковь и приобрѣсти церковную утварь. Но откуда было взять священника для новаго поселенія? Въ центральной Руси, при сильномъ развитіи наслѣдственной передачи мѣсть и даже при выборныхъ порядкахъ определенія клириковъ, этотъ вопросъ решался довольно просто. Но въ «дикомъ полѣ» найти священника было очень затруднительно. Правительство, практикуя систему «сведенія», чрезъ «посылку сведенцевъ» изъ центральныхъ областей для заселенія «дикаго поля», и священниковъ сюда сводило же. При этомъ на основаніи прямыхъ, фактическихъ данныхъ можно думать, что сюда сводился не совсѣмъ благонадежный элементъ духовенства¹⁾. Когда строителемъ церкви являлся приходъ, то онъ еще менѣе могъ быть требовательнымъ относительно духовенства: избирался

¹⁾ Общую характеристику тогдашняго приходскаго духовенства см. у г. Веселовскаго «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніи» (1886), стр. 38. Характеристика монашества дана однимъ изъ премииковъ св. Митрофана, митрополитомъ Пахоміемъ: «Которые черици не хотѣли быть подъ вѣдѣніемъ своихъ архіереевъ, и отъ того въ сю Украину

грамотей или ставился перехожий «попъ», — лишь бы онъ могъ служить и отправлять требы. Но при сторожевой жизни населенія часто и такихъ священниковъ не было. Послѣ частыхъ разгромовъ приходовъ, «воинскими людьми» многія церкви долгое время оставались «безъ пѣнія» ¹⁾ и приходъ, стоявшій вдали отъ другой церкви, попеволѣ лишался возможности выполнить самыя насущныя христіанскія нужды.

А епархиальная власть? Ея въ сущности не было до 1682 года. Все теченіе Дона въ XVI и XVII вѣкахъ оказалось на положеніи какого-то пасынка въ церковномъ отношеніи. Въ Москвѣ жилъ митрополитъ сарскій и подонскій (переименованый потомъ въ крупицкаго и подрѣльскаго), но, повидимому, онъ не имѣлъ ровно никакого отношенія къ области Дона. Номинально нижнее теченіе Дона зависѣло отъ московскаго патріарха; но фактически эта зависимость выражалась только въ поставленіи священниковъ, уже избранныхъ на мѣстѣ. До сихъ поръ не известны факты, которые бы обнаружили пастырскую заботу патріарховъ о церковномъ устройствѣ этой окраины. Поэтому-то здесь, на нижнемъ теченіи, и упирчилась весьма своеобразная форма церковнаго управле-
нія — народная или, точнѣе, войсковая. «Войско, т. е. войско-
вой «кругъ», вѣдавшій мѣстное управление, разрѣшалъ и строеніе церкви, утверждалъ избрание поповъ и снаряжалъ ихъ въ Москву для посвященія. «Кругъ такъ привыкъ къ этому праву, что впослѣдствіи ни за что не хотѣлъ отказаться отъ него, что повело къ пѣлому ряду самыхъ рѣзкихъ столкновеній казаковъ съ епархиальной властью въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. Среднее и верхнее теченіе Дона со второй половины XVII в. находилось сравнительно въ лучшемъ положеніи. Оно вѣдалось частью (съ 1667 г.) въ епархіи Бѣлогородскаго митрополита, а главнымъ образомъ въ епархіи митрополита Рязанскаго. Но громадные размѣры Рязанской епархіи совер-
шенно не позволяли мѣстному архіерею простираТЬ свое пастырское вліяніе на отдаленную Донскую Україну. Слѣдовательно, и здесь вліяніе епархиальной власти почти ограничи-

вдалъ бѣжали, вѣдалъ, что тогда здесь не обрѣталось архіерейства». Что касается сословного состава донского монашества, то и онъ опредѣляется въ томъ же документѣ: «это были (люди) самые простые изъ мужиковъ» (Описаніе документовъ и дѣлъ св. Спиода, т. I, Слѣд. Столб. 383).

¹⁾ Ворон. писцовые книги, изд. Л. Б. Вейнбергомъ и А. Полтарацкой (1891 г.), стр. 42, 44, 49.—рѣчь идетъ о разгромѣ 1612—4 гг.

валось выдачей благословенныхъ грамотъ на построеніе и освященіе церквей и посвященіемъ уже избранныхъ на мѣстѣ «поповъ». Отсюда, и въ данной мѣстности развивается стремленіе къ церковному самочинію. Оно выражается въ самоуправствѣ помѣщиковъ — надѣ приходскимъ духовенствомъ ¹⁾ и въ прямомъ неповиновеніи духовенства рязанскимъ архіераемъ. Правда, рязанскіе владыки предпринимали официальные мѣры къ водворенію здѣсь православнаго управления. Воронежъ являлся центромъ этого управления. Распоряженія рязанскихъ владыкъ поступали на имя архимандрита Успенскаго монастыря и уже имъ приводились въ исполненіе. Въ Воронежѣ даже былъ устроенъ митрополичій дворъ ¹⁾. Сколько можно судить по опубликованнымъ документамъ, распоряженія рязанской епархиальной власти носили главнымъ образомъ экономической характеръ, сводясь ко взиманію долей съ мѣстныхъ церквей, и только въ рѣдкихъ случаяхъ касались церковнаго суда. Но о томъ, что обычно разумѣется «подъ пастырскимъ воздействиемъ», тогда не могло быть и рѣчи.

Неудивительны послѣ этого частые случаи открытаго самоволія и самоуправства со стороны духовенства и еще болѣе частые случаи обмановъ въ опредѣленіи на мѣста. Есть основаніе думать, что пѣкоторыя церкви и строились самими священниками, чтобы потомъ извлекать доходы съ прихожанъ ²⁾. Слабость епархиальной власти, очевидная при такомъ положеніи, особенно замѣтна въ отношеніи къ рязанскимъ владыкамъ со стороны монастырей. Послѣдніе жили вполнѣ самостоительно и зависѣли только отъ своихъ вкладчиковъ — помѣщиковъ или казаковъ. Донскіе казаки, сами вѣдавшіеся въ церковныхъ дѣлахъ въ войсковомъ кругѣ, тотъ же порядокъ успѣли водворить и въ жизни нѣкоторыхъ монастырей, расположенныхъ въ среднемъ и верхнемъ теченіи Дона, каковы Боршевскій и Покровскій. Монастырское начальство въ нужныхъ случаяхъ обращается даже къ московскому правительству не чрезъ своего епархиального архіерея, а чрезъ Войсковой Кругъ. На случайныя же требования рязанскихъ архіреевъ это начальство считаетъ возможнымъ отвѣтить прямымъ неповиновеніемъ. «Въ нынѣшии, государи, въ 137 году (1629), писаль великимъ государямъ (Михаилу Федоровичу и п.

¹⁾ Факты такого самоуправства будутъ приведены ниже.

²⁾ Московскій Арх. Мин. Юстиції. Грам. Колл. Эксп. № 1554/33.

Филарету Никит.) Антоній, я, вашъ государской богоомолецъ, посыпалъ на Воронежъ своихъ дѣтей боярскихъ трижды въ Боршовъ монастырь по игумена Семёна звать на поруку въ великомъ духовномъ дѣлѣ и ваши государскіе стольники и воеводы Воронежа города того игумена Семёна въ великомъ духовномъ дѣлѣ дѣтемъ боярскимъ на поруки давать не дали и тому игумену Семёну ко мнѣ въ Переславль Фхати не велѣли¹⁾). Здѣсь любопытно то, что противъ требованія рязанскаго владыки выступаютъ представители московской власти. А такъ какъ далѣе, въ томъ же документѣ, жалоба архиепископа признается законною и игумену предписывается Фхать на судъ къ рязанскому владыкѣ, то становится очевиднымъ, что воронежскіе воеводы явились здѣсь потаковниками боршевскаго игумена.

Таково было церковно-административное положеніе края. Оно обусловливало собою цѣлый рядъ самыхъ непривлекательныхъ религиозно-бытовыхъ явлений и подготовляло массу трудно преодолимыхъ затрудненій для будущаго организатора первовнаго строя на Дону. Случайный подборъ приходского духовенства, его самочиніе, оставленіе церквей «безъ пѣнія», начальственное отношеніе къ церквамъ и духовенству со стороны мірянъ,—все это отучало мѣстныхъ простолюдиновъ отъ обычнаго православнаго первовнаго строя и привело къ иному строю, какому-то безпоповскому, полу-протестантскому. Именно — полупротестантскому, потому что обитатель приданья крѣпко былъ убѣжденъ, что онъ — православный русскій человѣкъ, и не подозрѣвалъ, какъ сила сложившихся обстоятельствъ подточила въ немъ основные устои православія. Поэтому позволительно сказать, что расколъ не спирообрядчества, а въ самомъ широкомъ значеніи этого слова *implicite* уже существовалъ въ предыдущихъ Донской украинѣ гораздо раньше, чѣмъ появился здѣсь официальный расколъ. При этомъ встрѣча на Дону этихъ двухъ сходныхъ по внутреннему существу, но разныхъ по формамъ, течений только въ нѣкоторыхъ случаяхъ повела ихъ къ сліянію, а чаще, повидимому, эти течения уживались бокъ-о-бокъ, поддерживаясь и питаясь послѣдовавшими заѣмъ новыми историческими обстоятельствами. Къ исторіи возникновенія на Дону раскола старообрядчества мы теперь и перейдемъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Столбы Бѣлгород. стола, 24, л. 438—440.

Появленіе раскола старообрядчества на Дону можно относить ко времени Большого Московскаго Собора. Кромѣ нѣкоторыхъ документальныхъ данныхъ¹⁾, это ясно и само собою, такъ какъ раньше раскольническое движение не могло проникнуть въ эту отдаленную окраину государства. Только послѣ постановленій противъ раскольниковъ начинается ихъ бѣгство на югъ. Московскіе²⁾ бѣглецы — раскольники проходя чрезъ верхнее и среднее теченіе Дона и здѣсь въ Ельцѣ, Воронежѣ, Коротоякѣ и Острогожскѣ находятъ себѣ въ мѣстномъ населеніи сочувствующихъ, которые частью уходятъ съ ними, «на низъ», частью остаются на мѣстѣ сѣятелями раскольнической смуты. Не находя удобнаго пристанища въ верхнихъ городахъ, боясь преслѣдованій со стороны мѣстныхъ воеводъ, эти первые раскольники расходятся по лѣсамъ, строять здѣсь часовни, окружаютъ ихъ своими кельями, т. е. основываютъ небольшія пустынки³⁾. Мѣстное населеніе, встрѣчаясь съ этими отшельниками, пришедшими сюда «Богу помолитца», не находить въ ихъ жизни ничего «сомнительнаго», напротивъ, часто лишенное правильнаго пастырскаго воздействиѣ⁴⁾), оно поддается влиянию этихъ чернецовыхъ, тѣмъ болѣе, что донскіе простецы сами едвали въ это время догадывались о той смутѣ, которая происходила на Москвѣ изъ-за обрядовъ. Можно даже съ увѣренностью говорить, что весьма многіе донскіе обыватели сами держались старыхъ обрядовъ и не считали себя вслѣдствіе этого отщепенцами отъ церкви. Слушая бѣглыхъ чернецовыхъ и принимая отъ бѣглыхъ поповъ таинства, особенно бывая у нихъ «на духу», они незамѣтно для себя самихъ утверждались въ старомъ благочестії.

Другое раскольническое теченіе шло отъ донскихъ казаковъ. Мы воздержимся отъ повторенія всѣхъ эпизодовъ раскольнической смуты среди донскихъ казаковъ, такъ какъ они переданы въ книгу г. Дружинина «Расколъ на Дону», тѣмъ болѣе, что въ нашу задачу входитъ только очеркъ смуты на верхнемъ и среднемъ теченіи Дона. Возвращаясь къ себѣ «на низъ» изъ

¹⁾ См. ниже въ перечнѣ отдельныхъ случаевъ обнаруженія раскола, подъ № 4-мъ.

²⁾ Подъ названиемъ, напр., кадашевцевъ, отъ московской Кадашевской слободы.

³⁾ Описаніе докум. и дѣлъ св. Синода, т. I, столб. 383.

⁴⁾ Особенно тамъ, где «церкви стояли безъ пѣнія», или где совсѣмъ еще не было церквей и приходского духовенства.

Москвы, послѣ служебныхъ туда путешествій, эти казаки по пути не могли не знакомить населеніе съ тѣми волненіями, какія происходили въ Москвѣ изъ-за старыхъ обрядовъ. Коротоячане внослѣдствіи жаловались царю (отъ 13 окт. 1684 г.), что донскіе казаки во время остановокъ въ ихъ мѣстностяхъ подговариваютъ ихъ свойственниковъ и работниковъ бѣжать съ собою на Донъ тайно¹⁾). А такъ какъ сами казаки скоро оказались приверженцами раскола, то они не могли не сѣять и раскольнической смуты среди населенія. Въ то же время различные торговые люди, бывавшіе въ Черкасскѣ и другихъ казацкихъ городахъ, выносили оттуда вѣсти объ усилившемся расколѣ. Оба эти теченія встрѣчали подготовленную почву въ тѣхъ церковныхъ и административныхъ пестротеніяхъ, о которыхъ сказано выше. Но пока еще «на Дону было смирио и воровства было не слышно»²⁾, лучше сказать, пока противоцерковное движение еще ускользало отъ правительственного надзора. Но вотъ наступилъ роковой въ исторіи раскола 1682 годъ, — голь церковнополитической смуты, когда расколъ не побоялся открыто возвести противъ правительства въ самой Москвѣ. Несмотря на то, что это возстаніе было подавлено, о немъ разнеслась на Дону молва далеко неблагопріятная для престижа правительства. «На Москвѣ стало смятеніе, а наша рука возвысила», — эти слова православнаго священника готовы были повторять весьма многіе донскіе обыватели, особенно донскіе казаки. Съ этихъ порь южный Донъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ опасныхъ центровъ раскола, такъ какъ здѣшній расколъ получилъ политическую окраску: правительство опасалось здѣсь казацкой вольницы, принявшей раскольниковъ подъ свое покровительство. «Умножилось на Дону воровъ и раскольниковъ со 190 года, какъ наполнился Донъ съ Москвы бѣглецами»³⁾. Правительство съ своей стороны способствовало мѣстному расколу, ссылая сюда, особенно въ городъ Полатовъ, раскольниковъ изъ Москвы⁴⁾. Вотъ какъ изображаетъ силу раскола

¹⁾ См. у о. Зѣбрева. Св. Митрофанъ, Еписк. Ворон., въ борьбѣ съ расколомъ стр. 23.

²⁾ Дружининъ. Расколъ на Дону, стр. 95, примѣч. 111.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Неудобство такого мѣста ссылки хорошо сознавали сами донскіе казаки — сторонники православной Москвы: «Которые люди являются на Москвѣ расколѣ, и стрѣльцы за разныя воровства битые кнутомъ, руки и ноги сбѣчены, носы и уши рѣзаны, а ссылаютъ ихъ въ новый городъ Полатовъ — тѣ люди обывались у насъ все на Дону, и воровскіе замыслы и смуты идутъ отъ

на Дону въ 1682 г. само московское правительство въ грамотѣ воеводамъ на Воронежъ, на Елецъ, въ Землянскѣ, на Коротояцкѣ, въ Орловѣ, на Урывѣ, въ Талецкой (острожекъ). «Вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что въ вышеписанныхъ городахъ и уѣздахъ много раскольниковъ, на святую Божію церковь и на святая Христовы Тайны и на четвероконечный крестъ и на новоисправленныя книги и на архиерейскій чинъ тѣ раскольники великия хулы износять и къ церквамъ Божіимъ на общую молитву не приходятъ, и многіе человѣцы отцевъ духовныхъ у себя не имѣютъ отъ многихъ ять и на покаяніе не приходятъ и святыхъ Божіихъ Таинъ не причащаются и молебства чинять втай въ лѣсахъ и въ пустыхъ храминахъ и въ избныхъ подпольяхъ и отъ потаенныхъ своихъ лжеучителей тайно причащаются и живутъ не по преданію святыхъ отецъ и церкви Божіи не покараются, и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ многіе чинятся непослушны»¹⁾.

Каково же было вѣроученіе этихъ раскольниковъ? Официальный царскій указъ излагаетъ это вѣроученіе въ такихъ чертахъ, которыя обычно повторяются о раскольникахъ всѣхъ мѣстъ. Но намъ кажется, что донской расколъ не былъ явленіемъ выдержаннѣмъ, уложившимся въ систему. Нѣтъ, это было еще состояніе броженія, по мѣстнымъ условіямъ колебавшееся между буквой старого обряда, условіямъ значеніемъ этого обряда и даже самаго таинства и церковно политическимъ протестомъ. Относительно казацкаго раскола это подтверждается кантомъ, помѣщеннымъ у Щапова.

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому
Ходить съ нами *во святомъ кругу*²⁾.
Избранный воевода, нашъ сударь батюшка!

вихъ. При тебѣ (говорили старшины толмачу посольского приказа Тарасу Иванову) изъ Полатова пришло сюда такихъ воровъ семь человѣкъ. Вотъ Самойла Лаврентьевъ и старый козакъ, а держить у себя такихъ воровъ и дастъ имъ на ссуду лодки и ружья. Извѣсти бащину кн. В. В. Голицыну, чтобы впередъ такихъ воровъ не ссылали въ города, которые близъ Дону, потому что они изъ этихъ городовъ уходять къ намъ на Донъ, и всякое воровство и смуты начинаются отъ нихъ, въ кругахъ оспариваются царскіе указы и дѣла, ворамъ потакаютъ и кричатъ. Мы и другимъ старшинамъ и добрымъ козакамъ говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ». Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII (1863), стр. 385—387.

¹⁾ Архивъ Мин. Юст. Столбцы Приказн. Стола. № 3241/2091, у Зѣбрева, стр. 13.

²⁾ Курсивъ нашъ.

Плыветъ по Сладимиъ-рѣкѣ да царскій корабль,
Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,
Во лодочкахъ вѣрины царски дѣтушки,
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки ¹⁾.

И при такихъ воззрѣніяхъ, напоминающихъ иные хлыстовскіе капты и такъ легко переходящихъ въ сектантскій субъективизмъ, донцы были увѣрены, что православіе погибло во всемъ мірѣ, что «только малая вѣтвь осталась на Дону Ивановичѣ и отъ вѣтви многое благочестіе процвѣтѣтъ» ²⁾. Расколъ на Дону, по всему его теченію, даетъ не мало фактовъ, которые дѣлаютъ очевидною мысль о его неопредѣленности. Во всѣхъ этихъ фактахъ общее—только одно—отпаденіе отъ церкви, но въ остальномъ замѣчается колебаніе между старообрядчествомъ и сектантствомъ. Мы приведемъ эти факты, главнымъ образомъ изъ работы Дружинина и о. Звѣрева ³⁾, отмѣчая курсивомъ тѣ цитаты, которыя, по нашему мнѣнію, говорятъ о существованіи на Дону не одного раскола старообрядства, но и зародышей сектантства, легко привившихся на этой окраинѣ вслѣдствіе указанныхъ выше церковно-соціальныхъ причинъ. Обнаружение раскола относится уже къ эпохѣ св. Митрофана; но мы изложимъ эти факты здѣсь, такъ какъ переходъ нижеупоминаемыхъ лицъ въ расколъ состоялся до 1682 года или около этого времени, т. е. совершился вѣдь зависимости и какого бы то ни было отношенія къ воронежскому первосвятителю.

1. Въ 1684 году архангельскій попъ с. Рѣпнаго, Воронежскаго уѣзда, привезъ къ св. Митрофану раскольника прішлаго человѣка Ваську Яковleva Желтовскаго. На допросѣ было показано самимъ попомъ и другіе воронежскіе жители сказали: «тотъ-де пришлый человѣкъ къ попу Ермолаю подъ благословеній крестъ не пошелъ и крестъ на себя возлагаетъ не по новоисправленному большимъ да малымъ краинеми персты, и церкви Божія, и православную христіанскую вѣру и священный чинъ хулитъ: какіе-де то церкви и попы, а *Богъ-де нашъ на небеси, а на земли Бога нѣтъ*, и крестился, на солнце смотря, и говорилъ такія слова:

¹⁾ Шацовъ. Земство и расколъ, 1862 г., стр. 47.

²⁾ Звѣревъ. Св. Митрофанъ, еписк. воронежскій въ борьбѣ съ расколомъ (1901), стр. 4.

³⁾ Изложены въ той же брошюре.

«Боже-де мой, Боже, почто-де надо мною надъ обнимѣ взыскалъ». Во время розысковъ домовый старецъ св. Митрофана Сергій призналъ Ваську и сказалъ, что онъ видѣлъ его въ казачьихъ городкахъ и онъ-де, Васька, въ Иловлѣ городкѣ при немъ старцѣ Сергіѣ крестъ на себя возлагалъ такожъ (по старообрядчески) и церкви Божія и православную христіанскую вѣру хулилъ же и про великихъ государей и про святѣйшаго Іоакима патріарха и про архіереевъ Божіихъ говорилъ непристойныя хульныя слова и помыслить-де невозможно, не только-де что написать, и на пречистое Тѣло и Кровь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа хулу возлагаль и иныя хульныя слова про христіансскую вѣру говорилъ же и научаль-де его старца Сергія, чтобъ по его такожъ твориль».

2. Въ декабрѣ 1686 года обнаруженъ раскольникъ Васька Лобанъ. «Придя въ Рыбной (Острогожскѣ), вышелъ онъ на рынокъ и прилучилось говорить ему о раскольникахъ, и онъ, Васька, сказывалъ, что на Дону раскольниковъ поповъ и чернцовъ много и расколы чинять великие по своимъ письменнымъ книгамъ».

3. Черезъ два года былъ схваченъ на Дону раскольщикъ Петрушка Смирниной—Рыковскій онъ же, который родился и долгое время служилъ казацкую службу на Воронежѣ. По его собственному признанію, «въ расколѣ онъ былъ *свою простотою и неразуміемъ*».

4. Въ 1687 году «былъ привлеченъ къ допросу въ посольскомъ приказѣ воръ и раскольникъ Куземка Косой, посадскій человѣкъ родомъ изъ Ельца, который показалъ о себѣ, что онъ сошелъ на Донъ тому лѣтъ съ двадцать; а сошелъ онъ съ Ельца для того, что учало быть въ Россійскомъ царствіи и въ городѣхъ, въ вѣрѣ и въ крестномъ знаменіи, и въ божественной службѣ, и въ пѣніи розы, а старыя книги оставили, а начали печатать новыя».

5. Въ 1686 г. на Дону объявился раскольникъ попъ Самошка (Самойла Иларіоновъ), родомъ изъ Старого Оскола. Молодость свою онъ провелъ въ г. Усердѣ (Ворон. губ.), а затѣмъ, оставшись спротой, ушелъ въ Коротоякъ, гдѣ служилъ въ дѣячкахъ при церкви св. Архангела Михаила и занимался иконописаниемъ. Изъ Коротояка онъ ушелъ въ Воронежъ, гдѣ полгода учился иконописанию у посадскаго человѣка Дауда Флорова. Отсюда онъ ушелъ въ Землянскъ, потому,

через полтора года возвратился въ Коротоякъ, затѣмъ въ Острожскъ, гдѣ женился. Проживши годъ слишкомъ у тестя, онъ согласился на просьбу жителей г. Усерда быть священникомъ въ с. Камызинѣ. Должность священическую онъ проходилъ шесть лѣтъ, служа по новоисправленымъ книгамъ. Послѣ святой недѣли 1686 г. онъ сѣжалъ на Донѣ и здѣсь примкнулъ къ раскольникамъ. Его убѣжденія выразились въ словахъ, сказанныхъ имъ бѣлгородскому монаху, встрѣченному имъ на Дону. «Ты отпадшай вѣры и нового закона, прїѣхалъ оть антихриста. Римъ, поляки и Киевъ суть товарищи, и греки, и Москва отшли, нѣть нигдѣ благочестія; только малая вѣтвь осталась на Дону Ивановичѣ и оть вѣтви многое благочестіе процвѣтъ». Святѣйшаго патріарха Самойла называлъ антихристомъ, великихъ государей называлъ неподобно. Ругаясь надъ монашествомъ, Самойла, показывая на клубокъ отца Павла, говорилъ: «такъ-де бабы-де у насъ въ сорокахъ ходятъ». Отвергая православную іерархію и не признавая дѣйственности православныхъ таинствъ, Самойла перекрещивалъ младенцевъ, проповѣдавъ о вредѣ для души оть новорукоположенныхъ священниковъ, новые книги изъ церквей выносилъ; иконы, на которыхъ находилъ неправильное изображеніе перстовъ, исправлялъ, напримѣръ, высребаль на иконахъ изображеніе благословляющей руки Спасителя и рисовалъ новое; храмы называлъ костелами. Для утвержденія старой вѣры на Дону, онъ думалъ избрать и рукоположить помощью 7 или 8 поповъ епископа, отъ которого бы пошло преемственное священство. Въ Черкасскѣ Самойло имѣлъ громадное вліяніе. «Послѣ его прихода, показывалъ о немъ дивногорскій іеромонахъ Германъ²⁾, на большомъ выходѣ перестали поминать царствующій домъ и патріарха съ епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ и князей и бояръ и христолюбивое воинство», а «поминать стали глухою статью: «всѣхъ вѣсть да помянеть Господъ Богъ всегда пытъ и приспо и во вѣки вѣкомъ, аминь». Но, странно, изъ експеняхъ продолжали о государѣ Бога молить. «И онъ, Германъ, видя такой расколъ и несогласіе и противъ правила св. отецъ сопротивленіе и раздоръ, изъ того Черкасскаго городка и оть службы церковные пошолъ по-прежнему въ Дивногорской монастырь на свое обѣщаніе. И

¹⁾ Архивъ Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Донскія дѣла старыхъ лѣтъ, связка 20, № 6.

какъ онъ будетъ въ верхнихъ казачьихъ городкахъ, и слышалъ оть донскихъ казаковъ, какъ-де пришли съ службы великихъ государей изъ походу войсковой атаманъ Фроль Минавѣ съ донскими казаками и пришедъ въ Черкасскому городку учинилъ кругъ и въ кругу поставилъ св. Евангеліе и животворящій крестъ и приговорилъ: буде-де кто за великихъ государей станетъ Бога молить и св. Евангеліе и животворящій крестъ цѣловать, и тому-де дано будетъ впредъ ихъ государское жалованье; а буде-де кто за ихъ государское многолѣтное здравіе Бога молить и св. Евангелія и креста цѣловать не станетъ, и тѣмъ-де людемъ отказано будетъ оть государского жалованья... И въ томъ-де кругу св. Евангелія и креста многіе люди донскіе казаки цѣловать не стали. Да донскіе же казаки, которые живутъ вверхъ по рѣчкѣ Медвѣдицѣ всѣхъ городковъ великихъ государей жалованья... ничего не дало, для того что имѣютъ расколъ».

Какъ ни отрывочны перечисленные случаи, они даютъ возможность сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Прежде всего во всѣхъ этихъ случаяхъ вожаками раскола являются люди пришлые, т. е. элементъ бродячій, знакомящійся съ расколомъ и потому имѣющій возможность пропагандировать его во время своихъ странствованій. Самая проповѣдь еще весьма неустойчива, заключая въ себѣ элементы старообрядческіе (преимущественно), сектантскіе и политическіе. Конечно, всѣ эти пришлые люди не могли бы составить раскольническаго движенія, если бы они не нашли здѣсь благопріятной почвы. Тогда всѣ эти исторіи съ Васьками Желтовскими и распопами Самошками были бы частными случаями, не имѣющими серьезнаго исторического значенія. Но почва была весьма восприимчива, и потому эти случаи являлись выраженіемъ настроенія если не всей данной мѣстности, то цѣлыхъ общественныхъ слоевъ. За Самошками шли народныя массы, сочувственно откликаясь на ихъ протесты противъ господствующаго церковнаго строя. Правда, среднее и верхнее теченіе Дона не заявило себя такими массовыми отпаденіями въ расколъ, какъ низовые города; но во всякомъ случаѣ народная смута и здѣсь была весьма значительна, о чемъ можно судить по правительственнымъ сужденіямъ, одно изъ которыхъ приведено выше. Поэтому-то правительство должно было позаботиться объ искорененіи этой смуты.

Прежде всего московское правительство требовало отъ мѣстныхъ властей сдѣлить за раскольниками, какъ и за другими «ворами», и жестоко наказывало уличенныхъ въ принадлежности къ расколу, а особенно въ его распространеніи. Но, конечно, эта вѣшняя мѣра очень мало помогала дѣлу, а иногда только усиливала смуту. Чтобы уничтожить ее, нужно было устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить тѣ внутреннія причины, которыми она питалась, а для этого прежде всего нужно было поднять значеніе церкви и усилить ея вліяніе на населеніе. Въ частности, нужно было дать населенію благолѣпное богослуженіе въ православныхъ храмахъ съ исправнымъ духовенствомъ, которое своимъ пастырскимъ вліяніемъ могло бы уничтожить религіозныя пестроенія и внушить населенію довѣріе къ церковному авторитету. Но все это мыслимо было сдѣлать только при хорошей церковной организаціи края, подъ руководствомъ близко стоящей епархиальной власти. Учрежденіе новой епархіи въ г. Воронежѣ было актомъ, какъ бы вынужденнымъ самимъ ходомъ исторіи.

III.

Строитель Донской Украины—св. Митрофанъ Воронежскій.

Въ 1681 г. въ Москвѣ открылся церковный соборъ. Хотя предсѣдателемъ его былъ патр. Іоакимъ, однако важнѣйшія мѣропріятія, обсуждавшіяся на немъ, возбуждены были по почину свѣтской власти. Молодой царь открыто, въ своихъ предложенияхъ собору, высказалъ, какіе недочеты въ церковномъ управлѣніи особенно вредно отзываются на религіозной жизни государства и какія мѣры могли бы послужить «къ умноженію имени въ Троицѣ славимаго Бога, къ огражденію святыхъ церкви, христіанамъ на распространеніе и противникомъ церковнымъ на искорененіе». Одпою изъ самыхъ крупныхъ мѣръ было увеличеніе числа епархій. Царь предлагалъ выдѣлить изъ громадныхъ русскихъ епархій нѣсколько новыхъ, «чтобы епархія владѣнія своего больше двухъ сотъ верстъ не имѣла». Но такъ какъ большинство членовъ собора были противъ этой мѣры, то пришлось ее весьма значительно ограничить: вместо 56 новыхъ епархій соборъ согласился открыть только

четыре. Въ числѣ нихъ двѣ—Тамбовская и Воронежская—были открыты для юго-восточной окраины Руси ¹⁾). Въ частности, въ районъ Воронежской епархіи вошло все верхнее и среднее теченіе Дона, а фактически воронежскій епископъ не могъ не простирасть своего вліянія и на низовые донскіе города. Первымъ воронежскимъ епископомъ былъ избранъ игуменъ Макаріева Унженскаго монастыря Митрофанъ.

Уже давно пониманіе исторіи русскаго народа распалось на два руслы: одни историки видѣть въ нашемъ прошломъ, особенно до-петровскомъ то положительное содержаніе жизни, тѣ самобытныя черты, которыхъ Россія не имѣеть и не цѣнить теперь. Другіе, напротивъ, въ этомъ прошломъ видѣть такие ужасы мрака, грубости и всевозможныхъ жестокостей, отъ которыхъ Россія Петровской эпохи освободилась и освобождается къ счастью для себя. Такая двойственность, какъ известно, легла въ основу двухъ философско-историческихъ школъ, славянофильской и западнической. Но даже и среди славянофиловъ весьма замѣтна эта двойственность. Если И. Кирѣевскій видѣть въ нашей древней Руси что-то идеальное, чего не хватало «гниющему западу», то его единомышленникъ по убѣжденіямъ, А. С. Хомяковъ, горячо отвергалъ эту мысль, выставляя на видъ тѣ ужасы, какими запятнала себя московская Русь ²⁾). Откуда возникла такая противоположная опѣнка у лицъ съ одинаковымъ образомъ мыслей? Не говоря подробнѣ, мы здѣсь считаемъ необходимымъ сдѣлать одно лишь замѣченіе, чтобы правильнѣе установить пониманіе разматриваемаго нами отдельного исторического явленія. Повторяемъ, не одни убѣжденные западники, не одни даже свѣтскіе писатели рисуютъ преимущественно темныя явленія въ жизни московской Руси. Даже церковные офиціальные историки, какъ м. Макарій, преосв. Филаретъ и проф. Знаменскій, говорять намъ

¹⁾ См. у И. М. Покровскаго. Русскія епархіи въ XVI—XIX в. Т. I, стр. 319—385.

²⁾ Кирѣевскій: «Христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общества, и части, быта древнерусскаго». Хомяковъ: «Нѣть, великое это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошлой, сказать его обѣней я не могу и не смѣю. Не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства въ мірѣ, которому такую похвалу можно было бы приписать хотя приблизительно; и конечно, она уже слишкомъ непомѣрина для земли, которой князья не только беспрестанно губили ее своими междусобіями, но еще безъ стыда и совѣсти опустошили ее мечемъ, огнемъ и рабоемъ союзниковъ, магометанъ и азычниковъ». (Соч. Хомякова, Т. I, стр. 213—214).

преимущественно о тѣпевыхъ сторонахъ церковной жизни Россіи. Если стать на точку зрѣнія славянофильствующихъ историковъ, то гдѣ, на какомъ царствованіи, можно остановить свой взоръ, чтобы сказать: «вотъ святая Русь!» Время Калиты, «собиравшаго» Русь... по какими средствами? или его продолжателей—Іоанна III и IV? Кажется, съ болѣшимъ правомъ это можно сказать о времени первыхъ царей Романовыхъ—Михаила и Алексія, время начавшееся умиротвореніемъ Руси царемъ изъ любимаго боярскаго рода, при содѣйствіи земщины, и продолжавшееся рядомъ законодательныхъ, военныхъ и церковныхъ мѣропріятій при «тишайшемъ» царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Но перечитайте хотя соответствующіе томы строго фактической исторіи Соловьева, — найдете ли вы въ XVII вѣкѣ «святую Русь»? Не есть ли это вѣкъ постоянныхъ смутъ, служившихъ прымымъ продолженіемъ великой смуты конца XVI и начала XVII вѣка? По справедливому замѣчанію проф. С. О. Платонова, «на бѣдную, еще слабую средствами, Русь при Алексіѣ Михайловичѣ и обстоятельства наложили столько государственныхъ задачъ, что невольно удивляешься исторической содержательности царствованія Алексія Михайловича»¹), кажется, еще ни въ одно царствование не было столько волнений и возстаній, какъ въ царствование Алексія Михайловича». Мы не говоримъ уже о такихъ историкахъ, какъ Милюковъ и ему подобные. Даже такие изслѣдователи, которые по своимъ убѣжденіямъ скорѣе приближаются къ славянофиламъ, склонны считать соціально-экономическую смуту въ царствование Алексія и Феодора Алексіевича явлениемъ основнымъ, недопустившимъ церковь до дѣйствительныхъ реформъ на соборѣ 1681 года²). И такъ, не есть ли славянофильское представление древней Руси только идеология, вытекавшая изъ плохого знакомства съ исторіей? Да, это идеология, если подъ исторической наукой разумѣть собраніе архивныхъ материаловъ, рассказывающихъ о тѣхъ безчисленныхъ событияхъ и случаяхъ, какіе прошли чрезъ разныя присутственныя мѣста и были зарегистрированы ими. Эта идеология даже въ томъ случаѣ, если подъ историческими фактами разумѣть, кромѣ добытыхъ изъ архивовъ, и тѣ, ко-

¹⁾ Платоновъ С. О. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1901, стр. 287.

²⁾ Церковский Н. М. Русская Епархія въ XVI—XIX в. Т. I, Казань. 1897, стр. 342—365.

торые взяты изъ лѣтописныхъ сказаний. Но есть ли это на самомъ дѣлѣ исторія? Что бы мы сказали, если бы въ настоящее время наши судебныя учрежденія, консисторіи, губернскія присутствія и т. п. опубликовали текущее дѣлопроизводство и объявили, что это и есть подлинная современная жизнь? Мы заявили бы, что эта — клевета, потому что чрезъ указанія учрежденія проходить главнымъ образомъ тѣневая сторона жизни, естественное же ея теченіе идетъ мимо этихъ учрежденій. Но присмотритесь, на какихъ данныхъ опираются историки-прагматики. Преимущественно на архивныхъ материалахъ учрежденій, вѣдавшихъ разныя тяжбы. Какъ ни важны эти материалы, все же они освѣщаютъ только одну сторону жизни. Гдѣ же другая сторона ея? Ее, за всѣ періоды и въ исторіи всѣхъ народовъ, очерчивають чрезвычайно блѣдно, потому что о ней не только мало данныхъ въ архивахъ, но мало говорить и современники въ своихъ запискахъ и лѣтописяхъ; потому что нормальное теченіе жизни не замѣтно, какъ незамѣтно здоровое біеніе сердца и пульса. Подмѣтить это нормальное біеніе народнаго пульса и старались славянофилы. Во многомъ они ошибались, влаваясь въ идеологію¹), по въ основѣ своихъ стремлений они были совершенно правы; тогда какъ историки-прагматики за множествомъ достовѣрнѣйшихъ фактовъ иногда не могли разсмотрѣть основныхъ настроеній народа, по пословицѣ—«За деревьями не видѣли лѣса». Если принять во вниманіе только что сказанное, то «смутная» эпохи окажутся уже не только «смутами», но и временемъ, воспитавшимъ самыхъ убѣжденныхъ дѣятелей порядка государственного и церковнаго. Но обрисовать протекшую жизнь съ этой стороны подъ силу только незауряднымъ художникамъ-историкамъ. Ни на минуту не думая присваивать себѣ смѣшную претензію быть такимъ повѣствователемъ, мы хотимъ только всѣмъ вышеуказаннымъ объяснить, почему и наши очерки касаются преимущественно темныхъ сторонъ церковной жизни, а затѣмъ уже отсюда вывести заключеніе, что должна же была въ этой жизни имѣть мѣсто и положительная, сови-

¹⁾ Кажется, основная ошибка славянофиловъ состояла въ томъ, что живой, развивающейся организмъ они рассматривали уже какъ что-то законченное, надъ чѣмъ можно произносить послѣдний исторический приговоръ. Въ этомъ случаѣ правъ проф. П. Виноградовъ: «Исторія Россіи заложена въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и разсчитана, очевидно, на такие обширные періоды, что неѣ надобностей спѣшить некрологомъ».

дательная работа. Если Россия, при самых критических обстоятельствахъ, при специально-экономической смутѣ, при военныхъ неудачахъ, раскольническихъ движенияхъ и т. п., не только осталась могущественной страной, но и замѣтно выросла²⁾ и окрѣпла въ «тяжелыя» царствование Алексія и Феодора, то очевидно, что ея организмъ жилъ въ общемъ здоровою, хотя и стѣсненою жизнью. Самая бѣдствія народныя въ такомъ случаѣ служатъ выражениемъ какихъ-то серьезныхъ недомоганій государственного организма, но,—во всякомъ случаѣ,—не признаками предсмертной агоніи. Эти бѣдствія и смуты въ нѣкоторомъ отношеніи пріобрѣтаютъ даже положительное значеніе: онѣ служатъ школою государственного воспитанія для историческихъ дѣятелей-созидателей. Не изъ книги, не изъ красныхъ мечтаній, а изъ самой жизни, изъ самыхъ этихъ смутъ люди XVII вѣка выносили непоколебимое убѣжденіе, которое современные намъ публицисты называли бы въ лучшемъ случаѣ славянофильскимъ, въ худшемъ—націоналистическимъ. Однимъ изъ такихъ убѣжденій дѣятелей-созидателей и былъ святитель Митрофанъ.

Его дѣлство и юность протекли въ царствование Михаила Феодоровича; не первая половина его зрѣлой, сознательной жизни и дѣятельности падаетъ на царствование Алексія Михайловича. Родиной его была Владимирская епархія, где онъ выступилъ сначала на общественное служеніе въ качествѣ приходского священника; овдовѣвшіи, лѣтъ сорока онѣ поступаетъ въ общежительную Золотниковскую пустынь, а затѣмъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ ней, назначается настоятелемъ Козьмина Яхремскаго монастыря, по желанію братіи и крестьянъ послѣдняго. Отсюда, спустя 10 лѣтъ, онѣ переводится на мѣсто настоятеля въ Макарьевъ Унженскій монастырь, уже по изволенію патріарха Іоакима. Вотъ сухой формуляръ святителя, который можно нѣсколько оживить только вспомнившіи «смуту» тогданий эпохи, ознаменовавшейся возникновеніемъ раскола, московскими соборами, народными политическими волненіями. Священникъ, монахъ, а потомъ игуменъ центральной русской епархіи не могъ безучастно относится къ этой

²⁾ Платоновъ С. О. указ. соч.: «Со всѣми задачами Москва, еще слабая, еще не готовая къ ихъ решенію, однако справлялась: государство, на долю которого приходилось столько труда, не падало, а росло и крѣпало и въ 1676 г. оно было совсѣмъ инымъ, чѣмъ изъ 1645 г.: оно стало гораздо крѣпче какъ въ отношеніи политич. строя, такъ и въ отношеніи благосостоянія (стр. 287—288).

смутѣ: если онѣ не принималъ въ ней замѣтнаго дѣятельного участія, то она постепенно вырабатывала изъ него того дѣятеля, какимъ онѣ явился впослѣдствіи. Но то обстоятельство, что въ Унженскій монастырь онѣ были переведены по изволенію патр. Іоакима, даетъ основаніе если не утверждать, то предполагать, что Яхремскій монастырь уже выдѣлился изъ ряда другихъ своею жизнью и административною дѣятельностью.

Макаріевъ Унженскій монастырь во вторую половину XVII вѣка былъ однимъ изъ выдающихся. Имѣя земли и крестьянъ въ 81 поселеніи, онѣ, кроме того, привлекали богомольцевъ своею святынею, останками своего основателя, тогда еще не канонизованнаго, преп. Макарія Унженскаго и Желтоводскаго Чудотворца. Эта святыня привлекла къ нему вниманіе новой царствующей династіи, благотворившей обители и интересовавшейся ея жизнью. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ зависимостью монастыря непосредственно отъ патріарха, а не отъ мѣстнаго епархиального архіерея,—выдвигало Унженскаго игумена, дѣлая его извѣстнымъ лично и царю и патріарху. Настоятельство игумена Митрофана все протекло въ царствование Феодора Алексѣевича. Молодой государь не только интересовался обителю, но собирался лично посѣтить ее, чтобы поклониться мощамъ новоизведеннаго тогда чудотворца. Болѣзнь царя дѣлала немыслимо эту продолжительную поѣздку; но она хоть отчасти возмѣщалась неоднократными прїѣздами изъ монастыря братіи и игумена со святою водой отъ мощей преп. Макарія. Такіе прїѣзды должны были имѣть важное значеніе для монастырскихъ властей и, прежде всего, для самого игумена. Становясь лицомъ къ лицу съ представителями государства и церкви, игуменъ могъ убѣдиться въ высокихъ нравственныхъ качествахъ послѣднихъ парей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ тѣми неодолимыми препятствіями, какія они встрѣчали на пути своей созидательной работы. Придворные интриги, раскольническая смута, экономическая неурядица,—все это не могло не оказать влиянія на игумена, заявившаго себя выдающимся администраторомъ двухъ монастырей. Современные события должны были воспитать въ немъ убѣжденіе, что для успѣха созидательного дѣла необходима авторитетная власть, и что подчиненіе власти необходимо для блага народнаго, каковъ бы лично ни былъ представитель этой власти.

Но вотъ макарьевскій игуменъ вызывается на московскій соборъ 1681 года, т. е. на тотъ самый, который обсуждалъ мѣры къ устраниеню церковныхъ нестроеній. Школа церковно-государственнаго воспитанія для него продолжается; теперь опытный игуменъ долженъ быть принять непосредственное участіе въ обсужденіи общепародныхъ вопросовъ. Царь Федоръ, по мѣткому выражению Соловьевъ¹⁾, какъ бы спѣшилъ съ своими реформами, будто предчувствуя близкую смерть. Онъ умеръ 27 апреля 1681 года, намѣтивши, но не осуществивши своихъ мѣропріятій. Послѣ него обстоятельства сложились такъ, что государственные нестроенія выразились въ открытой и весьма рѣзкой смутѣ, ознаменовавшейся кровавою борьбою Нарышкиныхъ и Милославскихъ, жестокими стрѣлецкими волненіями, открытыми бунтами раскольниковъ, добившихся публичного состязанія съ православными въ Грановитой Палатѣ. Въ это время игуменъ Митрофанъ только что былъ возведенъ въ сань первого воронежскаго епископа, но проживалъ въ Москвѣ и былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ волненій. Официальная записи упоминаютъ сухо, что во время коронаціи онъ подносилъ патріарху державу для возложенія на главу молодого царя Петра и присутствовалъ на состязаніи съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Афанасіемъ, тоже только что возведеннымъ въ сань епископа Холмогорскаго. Но эти сухія даты легко оживить, припомнивши тѣ ужасы тогдашней московской жизни, которые дѣлали невозможнымъ спокойное, а тѣмъ болѣе равнодушное, къ нимъ отношеніе. Даже теперь, перечитывая разсказы объ этихъ ужасахъ, содрогаются или отъ не годованія, или отъ состраданія,—что же должны были чувствовать современники? Если мальчикъ царь Петръ, бывшій очевидцемъ стрѣлецкой рѣзни, обрушившійся на его родичей, на всю жизнь получилъ первое потрясеніе²⁾, то что должны были испытывать убѣленные сѣднами московскіе обыватели, видѣвшіе лучше и понимавшіе вѣрнѣ всю опасность переживаемаго момента. Да, тяжелое это было время, но оно воспитывало убѣженныхъ сторонниковъ гражданскаго порядка, вѣрионоданныхъ, понимавшихъ, что безъ единой священной власти царя русская жизнь можетъ быть только дѣломъ слу-

¹⁾ Исторія Россіи. Т. XIII (Москва, 1863), стр. 317.

²⁾ Слѣдомъ этого петрасенія у Петра осталось на всю жизнь подергивание лицевыхъ мускуловъ и трясение головы.

чая, а общественное благополучіе—только игрушкой своеокрытыхъ людей. Въ частности, московская жизнь могла выяснить предъ новымъ святителемъ, что такое *расколъ въ жизни*, какое разстройство онъ можетъ внести въ общество. Епархиальная дѣятельность св. Митрофана дѣлаетъ очевидными всѣ эти естественные предположенія: святитель за все свое 20-лѣтніе правленіе Донскою уѣрайпо былъ неизмѣннымъ борцомъ за власть гражданскую и церковную, какъ за вѣрное ручательство мирной жизни и благотворной дѣятельности.

Негостепріимно встрѣтилъ Воронежъ своего первого епископа. Ветхій деревянный Благовѣщенскій соборъ совсѣмъ не соответствовалъ позванію каѳедральнаго. Рядомъ съ нимъ стоялъ «кружечный дворъ»—главный складъ питей, и неподалеку тюрьма. Но совсѣмъ не было ничего соотвѣтствующаго архіерейскому дому: первый епископъ остановился и первое время проживалъ на постояломъ дворѣ. Какихъ-нибудь запасныхъ средствъ на содержаніе архіерея и его свиты тоже не было; кое-какая сумма, полученная при разсчетѣ съ рязанскимъ архіереемъ, почти вся ушла на первоначальное обзаведеніе. Такимъ образомъ съ первыхъ же дней епархиальнаго служенія св. Митрофану пришлось заняться хозяйственными хлопотами. Опытный хозяинъ, много сдѣлавшій для поддержанія материальнаго благосостоянія Успенскаго монастыря, святитель на первыхъ порахъ не могъ приложить въ Воронежѣ своихъ хозяйственныхъ способностей: тамъ были вотчины, здѣсь ничего не было. Поэтому святитель и обратился къ патріарху и государямъ съ цѣлью рядомъ ходатайствъ о надѣленіи его каѳедры землями и угодьями. Тогдашнее состояніе нѣкоторыхъ придонскихъ монастырей помогло ему въ этихъ ходатайствахъ: одинъ изъ нихъ оказался безъ монаховъ (Каракунскій¹⁾), другой лишился почти всей братіи за сопротивленіе епископской власти (Боршевъ)²⁾, третій оказался приписанымъ къ Московскому Донскому монастырю (Даншинъ),—поэтому всѣ они съ своими вотчинами и угодьями были приписаны къ архіерейскому дому. Къ этому еще были прибавлены три богатѣйшихъ мельницы, послѣ чего воронежскій епископъ могъ располагать значительными доходами для содержанія собора и клира и, при добромъ желаніи, для дѣлъ благотворенія. Но эти

¹⁾ Архивъ Мин. Юст. Грам. Коллег. Экон. № 279 28.

²⁾ Архивъ Мин. Юст. Столбцы Приказн. Стола № 12046 326.

хозяйственные хлопоты сами по себѣ могли бы имѣть и отрицательный результатъ для пастырской дѣятельности святителя, еслибы не шли параллельно съ другими мѣрами. На первыхъ порахъ св. Митрофана неоднократно вынужденъ былъ обращаться къ свѣтской власти съ жалобами на захваты, произведенные мѣстнымъ населеніемъ въ его вотчинахъ¹⁾,—населеніе, привыкшее къ борьбѣ съ монастырями изъ-за земель и угодій, не скоро могло отвыкнуть отъ взгляда и на епископа, какъ на монаха, ограничивавшаго его земельныя права.

Какія же отношенія установились между нимъ и населеніемъ донской Украины? Мѣстная бытоваia особенности этого населенія²⁾ уже сами собою предполагаютъ, что эти отношенія не могли быть мирными, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: населеніе съ трудомъ могло примириться съ новымъ подчиненнымъ своимъ положеніемъ, послѣ почти полной церковной свободы. Естественно при этомъ, что чаще всего святителю приходилось сталкиваться съ духовенствомъ. Жившее раньше вдали отъ епархиальной власти и потому не вѣдавшее надъ собою почти никакого контроля, мѣстное духовенство неожиданно почувствовало надъ собою властную руку архиепископа, неспособного равнодушно относиться къ церковнымъ настроеніямъ, исходившимъ отъ самихъ пастырей. Сохранились два памятника, характеризующихъ теоретическія воззрѣнія святителя на пастырство—это, «Слово къ пастырямъ отъ архіерея, во епархію свою пришедшія» и соответствующая мѣста изъ «Духовнаго Завѣщанія» святителя. Судя по названіямъ, первое изъ этихъ сочиненій было обращено къ пастырямъ въ самомъ началѣ святительского служенія св. Митрофана, а второе—въ концѣ или—точнѣе—послѣ кончины святителя. Не излагая пока этихъ памятниковъ, скажемъ только, что ихъ самыя обыденныя требования особенно нужны были малообразованному и малодисциплинированному приходскому духовенству.

Такого же рода требования были обращены и къ черному духовенству въ особыхъ инструкціяхъ на имя настоятелей монастырей³⁾. Исполненіе церковнаго устава, соблюдение

¹⁾ Тамъ же Грам. Колл. Экон. №№ 1599/78; 1602/81; 1607/86; 1610/83; 1611/86; 1614/83; 1615/94; 1618/98 и др.

²⁾ См. обѣ этомъ въ гл. 1 и 2.

³⁾ Сохранились двѣ инструкціи—къ строителямъ Усть-Медведицк. и Лысогорскаго монастырей.

правилъ монастырскаго общежитія, неисходная жизнь въ монастырѣ,—вотъ эти требования.

Особенно недовольно было этими требованиями черное монашество, которое на первыхъ порахъ выказывало дерзкое сопротивленіе епископу, находя себѣ поддержку и въ мѣстномъ населеніи, и въ рязанскомъ владыкѣ, который былъ недоволенъ отпискою у него значительной части епархіи, и въ донскомъ казачествѣ, которое смотрѣло на власть св. Митрофана, какъ на посягательство на свои права. Въ настоящихъ очеркахъ было бы утомительно пересказывать всѣ эти столкновенія⁴⁾,—мы ограничимся только передачею двухъ фактovъ, характеризующихъ взаимныя отношенія святителя и монаховъ.

Въ 40 верстахъ отъ Воронежа, въ глухомъ лѣсу, расположень Толшевскій монастырь, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ населеніемъ г. Усманіи. Усманцы являлись въ монастырь «съ кружечного двора съ питьемъ», пользуясь тѣмъ, что близъ монастыря расположень былъ торжокъ. Особенно безцеремонно хозяиничалъ въ монастырѣ безмѣстный дьяконъ—кабацкій откупщикъ Фома Годовиковъ, отецъ котораго, старецъ Питиримъ, былъ въ числѣ наиболѣе влиятельныхъ монаховъ. Убѣдившись въ томъ, что строитель монастыря іером. Антоній не согласится «отписаться» въ Рязанскую епархію, они произвели полный разгромъ въ монастырѣ. Явившись сюда вмѣстѣ съ усманскимъ поповскимъ старостой и другими священниками изъ рязанской епархіи, усманцы, во главѣ съ Фомою, требовали, чтобы монахи признали надъ собою власть рязанскаго митрополита Павла, а за преосвященнаго Митрофана Бога молить и слушать его ни въ чёмъ не велѣли. Пьяные—ониѣ здили по монастырю, продавали лошадей, ходили на паперти въ сабляхъ, бралились въ церкви скверными словами. Когда строитель не уступилъ и послѣ того, усманцы, вмѣстѣ съ поповскимъ старостой, явились опять въ монастырь, схватили строителя, связали и увезли въ теплѣгъ «невѣдомо куда». Монастырь остался безъ начальства и потому Фома, явившись сюда «нарядвымъ дѣломъ съ ружьемъ и съ бердыши», завладѣлъ казною и объявилъ начальствующимъ своего отца Питирима. Для совершения въ монастырѣ

⁴⁾ Болѣе обстоятельный свѣд. обѣ этомъ см. въ нашей статьѣ «Положеніе монаст. Ворон. епарх. при св. Митроф». Ворон. Е. В., 1903, №№ 3, 4 и т. д. «Ворон. Старина», Вып. II.

богослужения явился вдовий попъ Иванъ, безъ епископскаго благословенія. Но братія разбрелась изъ обители и скиталась по Воронежу «межъ дворы». Бездѣльный усмирить мягежъ, который находилъ очевидное поощреніе со стороны рязанскаго митрополита, св. Митрофанъ обратился за помощью къ патріарху Іоакиму, который приказалъ выслать къ нему попа Ивана «смирить чернаго старца Питирима и возвратить на мѣсто строителя Антонія, а монастырь считать въ Воронежской епархіи»¹).

Не менѣе рѣзко было недовольство св. Митрофана донскаго казачества, хояйничавшаго въ нѣкоторыхъ донскихъ монастыряхъ. Монахи Боршева монастыря, подъ вліяніемъ казаковъ, возстали противъ игумена Корнилія, главнымъ образомъ, за признаніе имъ власти воронежскаго епископа и за попытку управлять монастыремъ независимо отъ казаковъ. Въ 1685 году братія обратилась даже въ этомъ смыслѣ къ «Государямъ молодцамъ, атаману Фролу Минаеву и всему войску донскому», надѣясь его заступничествомъ отстоять свою независимость. «Вѣдомо мнѣ, богомольцу вашему, учинилось, заключалъ свое члобитѣ по этому дѣлу къ великимъ государямъ св. Митрофанъ, что съ того числа... того монастыря братію и монастырскихъ крестьянъ во всякихъ духовныхъ и члобитниковъ дѣлахъ отъ донскихъ казаковъ мнѣ, богомольцу вашему, вѣдать невозможно»²). Въ отвѣтъ на это члобитѣ послѣдоваль строгій указъ великихъ государей, который мы позволимъ себѣ привести въ извлеченіяхъ. Всѣмъ монахамъ, подписавшимъ члобитѣ къ донскому войску, «учинить монастырское смиреніе, бить плетью или шелепы нещадно и сослать ихъ въ вологодскіе монастыри подъ началь безшоворотно и держать ихъ въ тѣхъ монастырѣхъ въ монастырской работѣ, кто какую понести сможетъ. А дѣячу Еремкѣ Лукьяннову за его воровство, что онъ вмѣсто монастырскихъ работниковъ къ члобитной руку приложилъ безъ ихъ вѣдома, учинить наказаніе—на коадѣ бить кнутомъ нещадно и сослать въ ссылку въ Холмогоры съ женою и съ дѣтьми на вѣчное житѣ и написать въ стрѣльцы. И тѣхъ старцевъ изъ тѣхъ монастырей не выпускать, и для мона-

¹⁾ Архив. Мин. Юст. Гражд. Колл. Экон., № 1582 61, излож. у П. Никольского. Толшевскій монастырь,—очеркъ изъ истории монашества на Дону. Воронежъ. 1902 г.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Столбы Приказн. Стола—№ 2046 896.

стырскихъ дѣль по селамъ никуда не отпускать и не посыпать, а для ссылки прислать съ Воронежа къ Москвѣ съ приставы и съ провожатыми. А донскихъ казаковъ (жившихъ при монастырѣ) выслать на Донъ, и впредь въ томъ монастырѣ донскимъ казакамъ никому не быть. А дѣячу Васѣкѣ Попову, который тое члобитную писалъ, сказать, что онъ за такое свое воровство поверженъ смертные казни, и великие государи пожаловали на милость положить смертю его казнить и наказанія ему училить не велѣли, для того что онъ про то воровство извѣстилъ самъ, и дать его на поруки, что ему впредь такихъ и иныхъ никакихъ воровскихъ писемъ не писать, и отослать его въ Севескъ (Сѣвскъ) съ женою и съ дѣтьми и быть ему въ сѣзжей избѣ въ подъячихъ или писать ему на площади и кормиться тою своею работою». Правительство очень серьезно отнеслось къ этому происшествію, видя въ немъ не только возстаніе противъ воронежскаго епископа, но и выраженіе антиправительственныхъ стремлений донскаго казачества. Такъ оно, вѣроятно, и было па самомъ дѣлѣ: поводомъ къ члобитной войску послужило то обстоятельство, что игуменъ Корнилій проникъ чрезъ окно въ келью строителя Савватія, одного изъ наиболѣе вліятельныхъ и близкихъ къ войску монаховъ, и—какъ говорили члобитчики—вынесъ оттуда какія-то письма. Хотя игуменъ отрицалъ справедливость этого извѣста, однако великие государи предписали «строителя старца Савватія Кортавцева въ кельяхъ рухляди его всю переписать, а писемъ пересмотрѣть, пѣть ли какихъ причинныхъ писемъ и той рухляди роспись и причинная письма прислать къ Москвѣ въ Розрядъ». Правда, причинныхъ писемъ не оказалось, но это еще не значить, что ихъ не было въ то время, когда произошло возмущеніе. Закончилась эта исторія припискою Боршева монастыря къ архіерейскому дому св. Митрофана³).

Состояніе бѣлага духовенства вызывало не менѣе заботъ въ первомъ епископѣ. Правда, бѣлое духовенство не могло вступить въ такую борьбу съ епископомъ, какъ монастыри: для этого у первого не было такихъ покровителей, какія оказались у монастырей. Но личные недостатки священниковъ были такъ крупны, что святитель въ первые годы своего архіпастырства отсылалъ вишовныхъ священниковъ къ «град-

³⁾ Арх. Мин. Юст. Грам. Кол. Эков. № 1583 62.

скому суду», чѣмъ вызвалъ выговоръ со стороны патр. Іоакима, которому донесли объ этомъ. Послѣ того святитель старался ограничиваться однимъ духовнымъ судомъ, заботясь всѣми мѣрами о поднятіи нравственного уровня духовенства. Состояніе паства особенно побуждало его къ заботамъ о воспитаніи пастырей.

Прежде всего святитель долженъ быть обратить вниманіе на развитіе старообрядческаго раскола. Какъ уже сказано выше (въ гл. 2), всѣ случаи обнаруженія раскола и суда надъ раскольниками въ XVII в. падаютъ на время правленія св. Митрофана. Но эти отдельные случаи не внушали бы большихъ опасеній, еслибы паряду съ ними не шло широкое антицерковное движение на Дону. Если мѣстный житель довѣль свою дерзость до того, что самаго архіерея Божія—св. Митрофана называлъ антихристомъ¹⁾, то уже это одно должно было остановить на себѣ особенное вниманіе духовной власти. А случаи отрицанія «духовнаго чипа» и его власти на практикѣ оказывались далеко не единичными. Мы считаемъ нужнымъ привести три такихъ «случая», которые намъ представляются вовсе не случайными явленіями, а выраженіемъ широкаго анти-церковнаго настроенія въ мѣстномъ обществѣ. Мѣста происшествій, о которыхъ будетъ рѣчь, — крайній сѣверъ, центръ и крайній югъ обширной епархіи.

Въ 15 верстахъ отъ Воронежа проживали помѣщики Шишкіны²⁾. Одинъ изъ нихъ завелъ у себя что-то въ родѣ гарема, причемъ развратничалъ, такъ сказать, съ жестокою изысканностью: захваченныхъ дѣвокъ онъ «обнажалъ у себя въ избѣ и, заперши, привязывалъ за косы и биль смертнымъ боемъ». Несмотря на частные доносы о развратнике, обуздатъ его долго не удавалось, такъ какъ онъ находилъ себѣ защитника въ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ воеводою въ Чернавкѣ. Еще раньше, до св. Митрофана, братья обнаружили свою холодность къ церкви, запретивши своимъ крестьянамъ участвовать въ постройкѣ приходской церкви. Одинъ изъ Шишкіныхъ былъ даже подъ церковнымъ запрещеніемъ—«отъ уходу св. церкви и отъ всякой святыни отлученъ за

¹⁾ См. Ст. Зѣфрея. Материалы для жизнеопис. св. Митрофана, № 17.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Приказн. Стола, столб. № 2298/1148. Два первыхъ случаевъ опублик. (въ Ворон. Стар. вып. II, страницы 224—236) С. Н. Введенскимъ, которому мы обязаны и некоторыми другими указаніями при составленіи настоящей статьи.

преслушаніе преосв. Митрополита (Рязанскаго—Іосифа) указу и за то, что онъ вступался въ великая духовная дѣла и свящ. чинъ биль и поругался». А упомянутый развратникъ попа Ивана «увѣчилъ смертнымъ боемъ, и дворъ обломаль, и ворота у двора и у избы дверь выломаль, и отъ того бою лежалъ попъ три недѣли». Когда попъ не соглашался прикрывать грѣхи помѣщика, — послѣдній грозилъ утопить его въ Дону и такимъ образомъ «тѣло его учинить безвѣстно». Мало этого, съ тою же цѣлью Шишкінъ «приводилъ попа къ крестному цѣлованью» въ томъ, что онъ не донесеть епископу о его беззаконіи. Взятый однако св. Митрофаномъ и посаженный «на смиреніе» въ монастырь, Шишкінъ успѣлъ бѣжать оттуда при помощи своего брата. Другой мірянинъ—Шаталовъ учинилъ буйство въ церкви, набросившись съ кулаками на служившаго священника и его родныхъ. По произведеному слѣдствію оказалось, что «царскія двери съ лѣвой стороны отъ верхняго крюка выломаны и запона въ алтарѣ за царскими дверьми изодрана и на лѣвомъ крылосѣ окровавлено». Здѣсь же въ церкви Шаталовъ бранилъ попа «матерно и всякими скаредными словами»; пытался бить его въ ризахъ и раньше, но былъдержанъ, отчего попъ такъ въ ризахъ и ушелъ домой. Нечего и говорить о томъ, что въ церкви злоба Ш—ва и его единомышленниковъ не знала никакихъ границъ и обнаруживалась въ самыхъ отвратительныхъ сценахъ⁴⁾. — Третій мірянинъ—приказной, а потомъ воевода Битюцкой слободы Ив. Барсуковъ, грабилъ имущество приходского попа, его самого биль въ церкви на св. Пасху и «разорялъ» церковь. Отлученный св. Митрофаномъ «отъ входа въ церковь и отъ святыни, покамѣста онъ придется въ покаяніе и о разрѣшеніи станетъ просить прощенія и съ попомъ смирится»,—Барсуковъ однако не образумился: входилъ въ церковь, бралъ оттуда иконы и даже приказывалъ попу вѣнчать его крѣпостного безъ архіерейскаго благословенія, давши на это попу письмо, чтобы онъ вѣнчалъ, не боясь епископа, а въ противномъ случаѣ угрожалъ попу побоями. На угрозы епископскими судомъ онъ говорилъ: «владыки *вашего* не боюсь и не слушаю». Не ограничивалась одними побоями попа, онъ ему «битому виномъ вспрыскивалъ спину — спина вся отъ того бою черна и руки и ноги синія и кровь замерла».

⁴⁾ Приказн. Стола, столб. 2443/1293, см. въ указ. статьѣ С. Н. Введенскаго.

Отъ побоевъ пошь занемогъ и быть осборованъ. Свои неистовства Барсуковъ распространилъ и на тѣхъ прихожанъ, которые строили приходскую церковь, притесня и разоряя ихъ, для чего пользовался своею властью¹⁾. — Всѣ такие случаи принуждали святителя Митрофана обращаться съ жалобами къ великимъ государямъ. «Огъ такихъ безстрапниковъ и ругателей и озорничества къ священному чину духовныхъ дѣлъ управить невозможно», — при этомъ святитель прямо указывалъ, что эти беззаконія не случайны, и по мѣстнымъ условіямъ — весьма опасны: «у насть мѣсто украинское и всякаго чину люди обыкли жить неподвластно, по своей волѣ, и на таковыхъ смотря иные многіе люди также непослушаніе и озорничество будутъ чинить». Въ отвѣтъ на такія жалобы святителя правительство предписывало мѣстнымъ чиновникамъ — «чинить вспоможеніе епископу Митрофану во всякихъ духовныхъ дѣлахъ», давать ему, «для поимки и взятия разныхъ воровъ и ослушниковъ, служилыхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, безъ мотчанія»²⁾. Но то же правительство иногда глухо было къ жалобамъ святителя³⁾. Впрочемъ, помощь правительства едва ли могла имѣть въ такихъ случаяхъ существенное значеніе: она помогала престъбъ уже возникшіе беспорядки, но была бессильна въ уничтоженіи того антицерковнаго настроенія, которое замѣчалось въ Донской Украинѣ. Насколько сильно было это *настроеніе*, уже какъ явленіе не частное, а общественное, обѣ этомъ говорить грамота св. Митрофана, посланная въ разные города епархій: «вѣдомо мнѣ учинилось, писать онъ духовенству въ Коротоякѣ, что на Коротоякѣ и въ Коротояцкомъ уѣздѣ въ селахъ многіе люди, забывъ страхъ Божій и преступивъ христіанскій законъ, въ святой — великой постѣ пьянствуютъ и въ пьянствѣ во всякое прегрешеніе и въ безчиніе впадаютъ, и къ церкви Божіей къ божественной службѣ не ходятъ. И вы бѣ всѣ священницы сей архіерейскій указъ приходскимъ своимъ людямъ и дѣтямъ духовнымъ сказывали вслухъ, а въ Коротояцкой уѣзде и на Урызѣ къ священникамъ ты бѣ, староста по-повской, съ сего архіерейскаго указа послать памяті, чтобы

¹⁾ См. у Д. И. Багаева, Материалы для истории колонизации степной окраины Москов. Госуд. 1890, стр. 133—136.

²⁾ А. М. Ю. Приказъ. Ст. столб. № 3434/2284 см. въ ст. С. Н. Введенского

³⁾ Такъ оно равнодушно отнеслось къ безобразіямъ Шишкіныхъ и Барсукова.

они приходскимъ своимъ людемъ потому жъ учипили заказъ крѣпкой съ великимъ подтвержденіемъ, чтобы они въ нынѣшній святой и великій постѣ постилися, а отъ пьянства удалялись, и къ церкви Божіей къ божественной службѣ, и на покаяніе къ отцемъ своимъ духовнымъ приходили, и самимъ вами, священникамъ, ихъ отъ божественнаго писанія ко всякому благочинію поучати непрестанно». Такъ какъ такія же памятія были разосланы и по другимъ уѣздамъ епархіи, то очевидно, что отмѣченныя въ нихъ церковныя нестроенія замѣчались во всѣхъ мѣстностяхъ епархіи.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на святителя Донскою Украиной. Изъ вышеприведенныхъ члобитныхъ и памятей видно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ святитель для устраненія замѣченныхъ имъ беспорядковъ. Это — обращеніе за содѣствіемъ къ гражданской власти, разсылка циркулярныхъ распоряженій о введеніи благочинія и церковное отлученіе. Но, конечно, всѣ эти мѣры могли имѣть весьма относительное значеніе, даже если бы имѣли успѣхъ. Если же принять во вниманіе московскую волокиту и обычное во всѣ времена отношеніе къ циркулярамъ, то значеніе двухъ первыхъ мѣръ придется признать еще меньшимъ. Эти мѣры получаютъ значеніе при оцѣнкѣ дѣятельности св. Митрофана только при сопоставлениі съ другими его мѣропріятіями, выставляющими его дѣятелемъ любви и правды.

Сынъ великороссійской церкви, получившій подготовку къ административной дѣятельности въ выдающемся монастырѣ, св. Митрофанъ, посвятилъ свою дѣятельность на практическое осуществление «чина» въ церковной жизни, употребляя для этого обычныя средства. Уставное богослуженіе при каѳедральномъ соборѣ, въ соединеніи съ постоянными заботами обѣ украшеніи собора¹⁾, и неустанная церковно-строительная дѣятельность²⁾ въ связи съ строгимъ отношеніемъ къ епархиальному духовенству, — вотъ эти мѣры, которыя на протяженіи всей русской церковно-исторической жизни оказывали самое могущественное дѣйствіе на народную массу, вліяя сильнѣе учителнаго слова, мало доступнаго простолюдину. Но помимо церковнаго строительства,

¹⁾ Слѣды этихъ работъ и теперь сохраниются въ ризницахъ Ворон. Митрофанова монастыря.

²⁾ За время правленія св. Митрофана въ той части его епархіи, которая опредѣлена ему въ 1682 г. было построено 50 новыхъ церквей, что составило 20% общаго количества церквей въ указанной мѣстности.

святитель завелъ при своей кафедрѣ тотъ укладъ жизни, который являлся олицетвореніемъ старорусскаго идеала.

Лично для себя святитель довольствовался самымъ необходимымъ. Его свитки шились изъ синей крашенины, одѣяло—изъ овчинъ, крытыхъ пестрою крашениною, подушки въ крашенинныхъ наволокахъ, теплая ряса изъ черныхъ курняковъ. Его келейная столовая посуда—«оловянные стаканы», «зеленые горшечки» и т. п. Его столъ самый невзыскательный, почти безъ всякихъ прибавленій къ обычному содержанию монашествующей братіи. За три года, 1699—1703, вино покупалось кромѣ царскихъ приемовъ, только два раза, но и то дѣлалось для «архіерейскихъ столовъ», т. е. для приемовъ гостей¹⁾. И несмотря на такую скромность и даже бѣдность домашняго обихода, святитель не оставилъ послѣ себя сбережений, о чёмъ заявилъ и въ своемъ «Духовномъ Завѣщаніи»: «а келейныхъ моихъ денегъ у мене нѣть»²⁾). Отсутствіе личныхъ сбережений при скромности домашняго обихода объяснимо только въ томъ случаѣ, если допустить расхожданіе сбережений на дѣла благотворительности. Народная молва дѣйствительно сохранила память о св. Митрофанѣ, какъ о щедромъ благотворителѣ, помогавшемъ и ницѣй братіи, и острожникамъ, и бѣднымъ монахамъ. Праведный епископъ, благотворившій по-христіански, не оставилъ никакихъ записей о своихъ личныхъ даяніяхъ. Характеръ его благотворительности можно возстановить на основаніи любопытныхъ записей о расходахъ архіерейскаго дома. Кромѣ постоянныхъ записей о раздачѣ денегъ ницѣмъ изъ средствъ архіерейскаго дома, записей, говорящихъ о привычномъ подаяніи, есть много весьма любопытныхъ записей, свидѣтельствующихъ, что святитель близко входилъ въ нужды ницѣты, которой такъ много было въ Донской Украинѣ. Въ своей архіерейской Крестовой Палатѣ святитель устраивалъ для ницѣхъ «столы», во время которыхъ трапезовавшимъ раздавались деньги³⁾). Ежегодно для воронежской голытьбы на средства архіерейскаго дома покупались тулуны, зипуны, кафтаны и холстина на рубахи.

¹⁾ Эти драгоценныя свѣдѣнія установлены благодаря изданію Н. И. Поникаровымъ приходо-расходныхъ книгъ архіер. дома при св. Митрофанѣ въ Трудахъ Ворон. Архива. Комиссіи за 1902 г., вып. I, стр. 1—74.

²⁾ Духовное завѣщаніе св. Митрофана, рукоп. Синод. Бібл., л. 26.

³⁾ Въ тѣхъ же прих.-расх. книгахъ, помѣщ. въ I вып. Труд. Ворон. Арх. Комм.

«Служилымъ неимущимъ людемъ и ницѣмъ» раздавался зерновой хлѣбъ⁴⁾). Но особенно трогательна забота святителя объ усопшихъ. Опять таки эта забота прочно засѣла въ народной памяти и занесена была въ житіе святителя по преданію. Теперь же и эта черта находитъ яркое подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ. Въ сознаніи праведнаго святителя не было рѣзкаго разграничения живыхъ и усопшихъ въ вѣрѣ: всѣ они вызывали въ немъ чувство любви и пастырскаго попеченія, выражавшагося въ молитвѣ предъ Творцомъ живыхъ и мертвыхъ. «Помяни Господи, читаемъ мы въ «Синодикѣ», сохранившемся отъ его времени въ кафедральномъ соборѣ,— помяни Господи души и тѣхъ, въ новопостроеній воронежской епархіи при первопрестольномъ преосвященномъ Митрофанѣ, епископѣ Воронежскомъ, скоропостижною смертю умершихъ, преставльшихся и утопшихъ безъ покаянія и безъ причастія, безъ отцовъ духовныхъ, которыхъ имена ихъ написаны въ казенному Архіерейскому Приказѣ въ членитной родственниковъ ихъ, такожде которые написаны жь въ той епархіи въ городѣхъ скоропостижною смертю преставльшихся и утопшихъ безъ покаянія и безъ причастія и безъ отцовъ духовныхъ, и сотвори имъ, Господи, вѣчную память и подаждь имъ царство небесное и оставленіе грѣховъ»⁵⁾... Но усопшіе вызывали въ милосердомъ святителѣ не одни только молитвенные чувства. Иногда ихъ не на что было и похоронить. Тогда святитель снабжалъ ихъ послѣднимъ пристанищемъ и одѣяніемъ, такъ же какъ бѣдняковъ живыхъ одѣлялъ рубахами и зипунами: святитель покупалъ цѣлые партии гробовъ (иногда до ста) «въ раздачу неимущимъ», или холста «на саванъ умершему» или вообще давалъ деньги на погребеніе⁶⁾.

Почти рядомъ съ архіерейскимъ домомъ стояла тюрьма. Это сосѣдство вызывало особый родъ благотворительности святителя. Въ великие праздники онъ лично посѣщалъ тюремныхъ сидѣльцевъ и раздавалъ имъ милостыню. Воронежъ въ этомъ отношеніи представлялъ особенно широкое поле для благотворительности: въ воронежскихъ тюряхъ сидѣли не одни только преступники мѣстные, такъ какъ воронежская тюрьма была этапнымъ пунктомъ, въ которомъ временно содержались ссыльные изъ

⁴⁾ См. Арх. Мин. Юст. Д. Монаст. Прик. Вязка 207, дѣло 54.

⁵⁾ Синодикъ св. Митрофана.

⁶⁾ Труды Ворон. Арх. Комиссіи, стр. 129.

другихъ городовъ въ низовые донскіе города, особенно въ Азовъ. И среди этихъ «сидѣльцевъ» святитель былъ извѣстенъ своею благотворительностью и потому они обращались къ нему съ челобитьями о помощи. Такія челобитныя иногда покрывались многочисленными подписями¹⁾. Вотъ одна изъ такихъ челобитныхъ. «Государю Преосвященному Архіепископу бывть челомъ бѣдные и безпомощные заключенные тюремные сидѣльцы солдаты Яковъ Калмыкъ, Семенъ Дуровъ. Посланы мы, государь, по указу великаго государя съ Москвы въ ссылку въ Азовъ, а нынѣ, государь, сидимъ мы на Воронежѣ въ острогѣ въ тюрьмѣ, и правять братей на насть влазная и бывуть за влазная насть на правежѣ безпрестанно, а влазнова намъ заплатить нечѣмъ и помираемъ голодной и холодной смертью; платья никакова у насъ нѣту. Государь, милосердый Преосвященный Архіепископъ Митрофанъ! Будь милостивъ и жалостливъ до насть до бѣдныхъ и невольныхъ заключенныхъ, окуни насть, государь, влазнымъ, чтобы памъ съ голоду и съ холodu напрасно не помереть, а мы, государь, за тебя о душевномъ спасеніи твоемъ вѣчные богомольцы. Государь, Пресвященный Митрофаний, смилуйся!»²⁾. Такъ какъ посѣщенія тюремъ и раздача «сидѣльцамъ» подаяній были обычнымъ дѣломъ святителя,— они входили, такъ сказать, въ росписаніе праздничного его времени— то необходимо предположить, что они соединялись съ словомъ увѣщанія и назиданія. Можно представить себѣ значеніе этихъ «праздничныхъ визитовъ» для тѣхъ многочисленныхъ партий ссыльныхъ, которые уходили на далекій Азовъ съ благодарной памятью о милосердомъ святителѣ и разносили эту молву по украинѣ: эти деньги на «влазное», эти алтыны и рубли въ праздничные дни «сидѣльцамъ» были краснорѣчивѣшо прошовѣдо христіанскаго милосердія, привлекавшео населеніе къ первому украинскому святителю болѣе, чѣмъ разныя административныя распоряженія.

Но и этимъ не ограничивалась благотворительность св. Митрофана: онъ не забывалъ о ницѣй братіи и во время обозрѣній епархіи: «взято въ келью архіерейскую, читаемъ мы въ приходо-расходныхъ книгахъ, казенныхъ денегъ сто

¹⁾ Тамъ же, стр. 132.

²⁾ Велибергъ, Ворон. акты. Т. I, 1887, № 165, стр. 315—316; Н. Поликарповъ, Милосердый святитель, стр. 10—11.

рублевъ (по нынѣшнему счету около 1000 р.) для раздачи въ милостию погорѣлымъ и по тюрьмамъ и по богадѣльнамъ и по приказамъ и нищимъ, убогимъ и ссыльнымъ всякаго чину людемъ и въ раздачу жъ въ шествіе архіерейское мужскихъ и женскихъ монастырей монахамъ и монахинямъ, гдѣ архіерей епархіи своей въ городѣхъ бываетъ»¹⁾. Итогда, отправляя въ уѣзды посланныхъ по епархиальнымъ дѣламъ, святитель и имъ «поручаль» раздавать деньги ницѣй братіи²⁾.

Мы перечислили только, на основаніи сохранившихся документовъ, однѣ сухія рубрики о благотвореніяхъ святителя, но думаемъ, что они всего краснорѣчивѣе рисуютъ образъ пастыря старого московскаго типа, въ духѣ строителей русской земли— свв. Сергіевъ Радон., Петровъ Москов., Стефановъ Перм., и т. п. Если такой пастырь выступалъ съ словомъ увѣщанія, то оно уже не могло быть мѣдью звенищею, а выслушивалось съ любовью и принималось горячо къ сердцу. Послѣ этого становиться понятной и дѣятельность святителя административнаго характера: исходя отъ пастыря, въ своей жизни осуществлявшаго завѣты христіанства, административныя распоряженія, при всей ихъ законной строгости и вѣшней суворости, не должны были казаться несправедливыми, какъ необходимыя мѣры для вдоворенія церковнаго строя. Вышеприведенные же факты дѣлаютъ понятнымъ и отношеніе святителя къ мѣстному расколу. Съ точки зрењія нѣкоторыхъ современныхъ взглядовъ, св. Митрофанъ совсѣмъ ничего не сдѣлалъ для борьбы съ расколомъ. Вѣдь нельзя же считать важною мѣрою одно только разыскиваніе раскольниковъ, разсылку «Увѣтовъ» и «новоисправленныхъ» книгъ,— все это могли дѣлать и самые заурядные епископы, только официально относившіеся къ дѣлу. Специальныхъ же распоряженій, направленныхъ противъ раскольниковъ и исходившихъ отъ самого святителя, мы не знаемъ; а между тѣмъ не могъ же онъ равнодушно относиться къ нимъ, послѣ того, что онъ самъ видѣлъ въ Москвѣ во время знаменитаго пренія въ Грановитой Палатѣ. Что же это значитъ? Это можетъ значить только одно: святитель смотрѣлъ на раскольниковъ глазами лучшихъ своихъ современниковъ. Въ его глазахъ расколъ былъ явленіемъ, глубоко коренившимся въ нестроеніяхъ церковной

¹⁾ Труды Вороа. Арх. Комисіи, вып. I, стр. 134.

²⁾ Тамъ же, стр. 135.

и общественной жизни; но какъ секта, онъ еще не вылился въ ту типическую форму, съ какой имѣютъ дѣло современные полемисты. Въ его время не только не было строгаго разграничения между поповцами и безпоповцами, но иногда приверженность къ старинѣ уживалась съ крайнимъ религиознымъ мистицизмомъ. Уничтожить такой расколъ можно было только общими мѣрами, направленными къ упорядоченію православно-церковнаго уклада жизни. Благолѣпное богослужение, достаточное количество православныхъ храмовъ, насажденіе достойнаго пастырства, утвержденіе началъ православія въ самой жизни,—вотъ тѣ мѣры, которыми характеризуется дѣятельность святителя и которыя были наиболѣе дѣйственны какъ въ борбѣ съ общими церковными неурядицами Донской Украины, такъ и въ уничтоженіи раскольническаго движенія въ частности.

Послѣ этого получають особенное значеніе тѣ наставленія, съ которыми обращается святитель къ духовенству и къ свѣтскимъ правителямъ-судьямъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи. При всѣмъ своемъ общемъ характерѣ, эти наставленія, очевидно, были вызваны самою жизнью, тѣми двадцатилѣтними наблюденіями и впечатлѣніями, какія пришлось испытать святителю во время своего епископскаго служенія¹⁾.

«Со всячимъ опасствомъ живите и заповѣдь Господнімъ вни-
майте, сему учитеся, сему другъ друга понуждайте, како бы вамъ непорочныи стати на страшнѣмъ и грознѣмъ судѣ во второе прис-
тѣствіе Христово, егда будетъ судити всей вселениїй, и како слово
воздати о людяхъ комуждо въ паствѣ своей.

Того ради всяко попечитесь о своемъ спасеніи и образъ себѣ
сами покажите во всякому благочестіи..., «яко да видять ваша доб-
рая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесахъ»
(Мо. 5, 16); вамъ бо есть и слово воздати о стадѣ своемъ. Тѣмъ
же убо, сынове и братія мои, не украсимъ ли сами себѣ кротостю
и смиреніемъ и всякимъ благочиніемъ, по всяко подвигнемся о сво-
емъ спасеніи, паче же о людяхъ. Послушайте Златоуста глаголюща:
зане либо аще и согрѣшиши о себѣ самъ, ничтоже постраждешъ таково;
аще же іерей сый, погибнуль еси. Тѣмъ же убо убейтесь, устыди-
тесь и смирите себе, страшно бы власти въ руцѣ Бога живаго, на
сіе бо названы есмы, еже намъ собою показати образъ благочестія
и тако люди въ благоразуміе привести. Тѣмже умножите талантъ,
вѣрениій вамъ отъ Бога, учти люди Божія, священницы—дѣти
своя духовныя и приходскія люди коудо въ своемъ предѣль, и дѣти
ихъ учите, чтобы жили въ заповѣдяхъ Господнихъ и за то отъ Бога

¹⁾ Нѣкоторыя выраженія мы отмѣтили курсивомъ.

примите милость. Къ сему же, братія и чада мои, Божественная
писанія любите и въ нихъ поучайтесь: писаній бо прочитаніе небе-
семъ есть отверзеніе; міози бо непрочитаніемъ книгъ съ праваго
пути совратиша. Вы же убо, сынове и братія нашего смиренія о
Господѣ, избирайте разумѣнія отъ Божественныхъ писаній, якоже
добрая пчела пребывающа на цветѣхъ и сотъ взимающи, бытѣ же
оставляющи; ложныхъ же книгъ не почитайте и отъ еретикъ уклю-
няйтесь и сообщенія съ ними не имѣйте; а буесловцемъ и скверно-
словцемъ, во всяческихъ богохульникомъ, не отъ Божественныхъ
писаній и суетная и ложная глаголющімъ, яже на пагубу право-
вѣрнѣмъ душамъ, уста заграждайте и возбраняйте, отъ Писаній
слово приемше. Аще ли кто будетъ сопротивлятися Соборныя
Перкви преданію и нашему поученію по св. Отецу указанію,—и вы,
сынове и братіе, о сихъ помолитеся, по апостолу: братіе, моли-
тесь другъ о другѣ, яко да испытаете, и на истинный путь по
первомъ и второмъ наказаніи обратите заблудшихъ, научите, запре-
тите, настойте, понудите люди Божія ко благочестію, всячески цѣ-
лите недужныя, яко время убо обуреваемо есть и дніе лукави суть
и люди на зло уклониша. Къ сему же убо, игумены и священ-
ники нашего предѣла и діаконы и весь причтъ церковный, всякое
церковное пѣніе со страхомъ и по чину и по уставу вся испол-
няйте, якоже предаша намъ святіи отцы, паче же Божественную
литургію... храните со страхомъ и трепетомъ, и николи же впадите
во святую церковь вражду на клеврета своего имуще, паче же во
святый алтарь входите со страхомъ и трепетомъ и поклоненіе тво-
рите къ престолу славы Божія, а паній во святую церковь и во
святый алтарь или гнѣвъ имѣй на кого, да не виндетъ. Такоже и
народы наказуйте творити. Къ сему же по всѣмъ церквамъ отъ на-
родовъ простымъ людямъ кромѣ параекклесіарха во святый алтарь
входа не дадите. Никакоже и николи же во многолаголаніи по
вечернѣмъ пѣніи и до литургіи пребывише, приносите Пречистую
Жертву; но утишивъ мысли, молитву поплите къ Богу своему и не
сбѣрайтесь вспять въ мысляхъ своихъ, и умъ весь имѣйте горѣ: со
ангелы бо вамъ служити; и тако безкровную жертву приносите и
не мыслите въ тотъ часъ земныхъ ничтоже, зане Небеснаго Царя
приемлете въ сердцѣ свое. Аще ли же кому спакостить врагъ лю-
бодѣствомъ, или гнѣвъ имуще на кого, или иною какою вину,—
да лишится службы: недостоинство бо іерейское паче всего сводитъ
на люди инъвъ Божій: мнози бо невѣгласи іерею впадшу въ како-
вой-либо грѣхъ повелѣваютъ служити, давъ епитимію, строяще его
на муки безконечныя и слѹще во дно адово: различно бо паденіе
іерею бываетъ. Тѣмъ же убо подобаетъ о таковыхъ епископомъ воз-
вѣщати, и ти да разсудятъ по правиламъ апостольскимъ и отече-
скимъ, не мощно бо разрѣшити, его же они связаша, ни вязати,
его же они не повелѣша, но послѣдующе Соборомъ святыхъ Отецъ
вязати же и рѣшити. Блюдите же, іереи, и чадъ вашихъ, родив-
шихся отъ васъ, да не блудомъ прежде брачнаго времени осквер-

нятся, и наказуйте. Челядь же свою, рабовъ и рабынь наказуйте страху Божию и на покаяніе приводите, а гладомъ не морите и на-готою и босотою не томите; но любите я, яко своя уды. Къ сему же не достоитъ попови красныхъ ризъ носити, но смиренны, якоже и краткихъ портъ не подобаетъ носити, но до глезну. да со стра-хомъ и трепетомъ вся священная церковная и службы творить, ниже паки устыдится кого, или убоится, ниже убо самого царя.

Какъ созидатель «чина» въ мѣстной жизни, святитель Митрофанъ остается опредѣленіою историческою величиною и въ своихъ наставленихъ свѣтскимъ судьямъ.

«А епархія наша во градѣхъ судіамъ—о правосудіи въ дѣлахъ гражданскихъ всячески да попекутся и судъ праведенъ да судять, ибо милость и любовь въ томъ явить многу, зане зѣло неправда въ сужденіяхъ и коварство въ людехъ умножися, обидими же всякихъ чиновъ люди, вдовицы и сироты и немощніи, во убожествѣ же люди зѣло во оскорблениіи мнози плачутъ, ибо судъ Божій въ людехъ Его вамъ, судіямъ, вручися, избавити всякаго отъ неправды. И сего всего во власти своей должно назирати и судивъ праведно, повелительствомъ Государя своего управляти въ правдѣ, да правою, безъ напрасныя тщеты и суеты непотребныя, поживутъ по Бозѣ душомъ».

Донская Украина XVII вѣка дождалась наконецъ своего устроителя, и первый воронежскій святитель съ такимъ же правомъ можетъ считаться строителемъ земли русской, съ какимъ усвоется это имя великимъ московскимъ святителямъ. И эти послѣдніе не блестали ученоштю, не боялись свои по-сланія составлять по старымъ образцамъ, лишь приспособляя эти образцы къ нуждамъ своего времени. Таковъ былъ и св. Митрофанъ. Это былъ не глубокомысленный теоретикъ, поражающій высоотою своего богословствованія, а трезвый практикъ, сознававшій, что его епархія нуждается въ той золотой срединѣ, которая называется міровоззрѣніемъ здраваго смысла. «Изрядство», «житітельство въ чистотѣ, въ воздержанії, святыни и покаяніи»,—вотъ его завѣты наставъ: «мудрій бо мужи подобственій на сіе вѣщаша всякому человѣку:

Употреби трудъ, храни мѣрность,—богатъ будешъ.

Воздержно пай, мало лжди,—здравъ будешъ.

Твори благо, бѣгай злаго,—спасень будешъ.

И сицеюмъ образомъ во правду всякому въ души и тѣ-лесе спасеніе отъ Господа Бога готово, временное и вѣчное, имѣство благополучное и продолженіе лѣтъ во здравіи».

Но праведные строители земли русской работали рядомъ съ мірскою властью, употребляя духовныя мѣры на укрѣпле-

ніе того же зданія, надъ возведеніемъ котораго трудились, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, русскіе князья. Въ отдаленной украинѣ св. Митрофана на первыхъ порахъ не представлялось возможности дѣйствовать лицомъ къ лицу съ царской властью. Но изъ всего предшествующаго, думаемъ, видно, что дѣятельность святителя для государственного блага была не менѣе важна, чѣмъ для блага церковнаго. Конечно, «дѣло вѣковъ поправлять не легко»: не одному, а цѣлому ряду дѣятелей нужно было выступить въ Донской Украинѣ, чтобы уничтожить въ ней тѣ вредныя угловатости, которыхъ не позволяли ей вполнѣ слиться съ центральной Русью. Однако и тотъ единичный камень государственности и церковности, который положилъ въ государственное строеніе св. Митрофана, имѣлъ несомнѣнное значеніе: не даромъ образъ святителя такъ прочно укоренился въ мѣстной народной памяти, что его жизнеописатель (іером. Анікита—Ширинскій-Шихматовъ), писавшій почти только на основаніи народной памяти и не знаяшій почти фактовъ изъ жизни святителя, ни разу не ошибся въ обрисовкѣ его образа.

Но вотъ Воронежъ посѣщаетъ великий Преобразователь Россіи и иногда останавливается здесь на жительство, посвя-щая свое время и трудъ кораблестроенію. Святитель станов-ится лицомъ къ лицу съ царемъ. Какъ они взглянули другъ на друга и какъ оцѣнилъ каждый изъ нихъ дѣятельность другого?

IV.

Петровская эпоха на Дону.

Съ 1695 года начинается новая эпоха въ исторіи Дон-ского края. Изъ «польской Украины» онъ дѣлается центромъ кипучей дѣятельности молодого царя-Преобразователя. Срав-нительно недолго продолжалась эта дѣятельность: на Дону великий царь только какъ бы пробовалъ свои силы, расправляя свои крылья, чтобы обнаружить свою мощь на Невѣ, безпо-воротно покончивши съ старой Москвой и ея завѣтами. Но какъ ни кратковременна была воронежская дѣятельность Пе-тра, она оставила неизгладимую печать на всемъ Донскомъ краѣ.

Можно сказать, что съ азовскихъ походовъ начинается са-мостоятельное царствование Петра. Молодой царь адѣсь заду-малъ продолжить старинную, традиціонную борьбу съ турка-ми.

ми; но онъ не взвѣсилъ всѣхъ опасностей войны и приступить къ ней съ слабыми силами. Поэтому первый походъ оказался неудачнымъ. Петръ не только вынужденъ былъ отступить отъ Азова, не взявшіи его, но возбудилъ противъ себя недовольство въ войскѣ. Тяжелый походъ особенно раздражалъ солдатъ тѣмъ, что во главѣ ихъ стояли «иѣмцы», что для того времени было непривычнымъ явленіемъ, оскорблявшимъ национальное самолюбіе русскихъ. Неудивительно поэтому, если во всѣхъ неудачахъ похода войско обвиняло иностранныхъ офицеровъ и инженеровъ. Даже въ неудачномъ взрывѣ при осадѣ, побившемъ множество своихъ—русскихъ, войско прямо обвиняло инженера Адама Вейде, такъ что онъ нѣсколько дней не смѣлъ показываться солдатамъ. Но неудачной осадой Азова не кончились бѣдствія первого азовскаго похода. Самое возвращеніе войска было весьма тяжелымъ. Австро-іскрій дипломатическій агентъ Плейеръ, возвратившійся нѣсколько позднѣе тою же дорогою изъ Черкаска, видѣлъ всю дорогу, на протяженіи 800 верстъ, усыпанную трупами людей и лошадей; всѣ деревни были переполнены больными, заражавшими мѣстное населеніе своими недугами; смертность была ужасная¹⁾.

Однако неудачи не остановили царя, а только возбудили его энергию, заставивши дѣятельно готовиться къ продолженію борьбы. Самымъ главнымъ средствомъ борьбы онъ считалъ постройку флота, а мѣстомъ постройки избралъ Воронежъ, точнѣе—центральнымъ пунктомъ построекъ, такъ какъ строительная дѣятельность охватила все верхнее теченіе Дона: суда строились и въ Козловѣ, и въ Добромъ, и въ Сокольскомъ, и въ Ступинѣ и въ Тавровѣ.

29 января 1696 года умеръ царь Иванъ Алексѣевичъ. Первымъ дѣломъ официального единовластительства Петра была поѣздка въ Воронежъ²⁾. Здѣсь, по его приказу, къ веснѣ должны были выстроить 1300 струговъ, отъ 17 до 19 саж. длины, при $2\frac{1}{2}$ —3 саж. ширины, иѣкоторыя съ чердаками, свѣтилицами и мыльнями брусаными³⁾. Такую работу неспособно было выполнить мѣстное населеніе,—потребова-

¹⁾ Брикинеръ. Исторія Петра Великаго, 1882, стр. 140; Устряловъ, Истор. II, II, 582.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, 1864 г., стр. 226.

³⁾ Устряловъ, Исторія царства Петра В., т. II, стр. 260.

лись мастера—судостроители и опытные плотники. И ихъ выслали сюда изъ отдаленныхъ мѣстъ, частью съ побережій Бѣлого моря, въ количествѣ 26000 человѣкъ¹⁾. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царя—работника работа закипѣла въ Воронежѣ, подъ стѣнами Успенскаго монастыря. Но она была чрезвычайно обременительна и для пришлага мастерового люда, ютившагося кое-какъ на новомъ мѣстѣ, и для мѣстного населенія, лишившагося не только покоя, но и своихъ угодій, на которыхъ посягало и правительство, и этотъ пришлый людъ²⁾. Какъ на бѣду въ самомъ началѣ работъ, въ зимнюю пору, пошли проливные дожди, рѣки вскрылись; а затѣмъ ударила жестокая стужа. 7 апрѣля поднялась вьюга съ бурею, снѣгомъ и морозомъ³⁾. Неудивительно, что «тысячи работниковъ не являлись къ работѣ на указныя мѣста», тысячи бѣжали съ работы; лѣса горѣли именно тамъ, гдѣ строили струги, «струговому дѣлу чинилось великое поруганіе и морскому воинскому походу остановка». Между тѣмъ солдаты, отправляемые въ Воронежъ для флота, писать Лефорть, «дуруютъ дорогою», такъ что обѣ этомъ пришлось доносить царю⁴⁾. И однако Петръ успѣлъ приготовиться: въ апрѣлѣ 1696 г. онъ отправился во второй азовскій походъ и взялъ Азовъ. Но успѣхъ похода, произведшій необычайное ликованіе въ Москвѣ, не прекратилъ работъ въ Воронежѣ и вообще на Дону. Вслѣдъ за взятиемъ Азова, Петръ издалъ распоряженіе о переселеніи сюда 3000 семействъ изъ низовыхъ городовъ и 3000 московскихъ стрѣльцовъ⁵⁾. Въ самомъ Воронежѣ по прежнему работаетъ пришлый людъ, а населеніе несетъ непосильное тягло при новыхъ порядкахъ. По этому и случаи бѣгства повторяются и дѣлаются обычнымъ явленіемъ. Въ 1698 году кормщики и гребцы, шедшие Воронежемъ и Дономъ на судахъ въ Азовъ съ хлѣбными запасами, бросили суда въ казачьихъ городкахъ и разбѣжались, а «казаки и разныхъ чиновъ жители развезли хлѣбъ по себѣ». Въ 1699 году изъ одного Воронежскаго уѣзда бѣжало 330

¹⁾ Брикинеръ, стр. 141.

²⁾ Въ этомъ отношеніи достаточно однихъ официальныхъ показаний: напр., почти всѣ монастыри края въ своихъ отчетахъ, представленныхъ въ Монаст. приказъ, жалуются на захваты своихъ угодій рабочими людомъ и солдатами. См. М. А. Юст. Дѣла Мон. Прик., связка 207, № 54.

³⁾ Устряловъ, т. II, стр. 266.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XIV, М. 1864, стр. 226.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 236—237.

дворовъ. Въ 1700 году изъ городка Орлова, насчитывавшаго 148 служилыхъ людей, бѣжало 73 человека¹⁾.

Такое общественное настроение еще болѣе усиливалось отъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ такъ часто прибѣгалъ Преобразователь, когда не встрѣчать себѣ сочувствія,—не даючи проводить параллель между нимъ и Грознымъ. Вся разница между ними въ томъ, что казни Грознаго, необходимыя на его взглядъ, на самомъ дѣлѣ не вызывались нуждами государства; тогда какъ весьма крутые мѣры Петра были иногда неизбѣжны для государственного блага. Но такія параллели и разграничения возможны для исторического глаза, на нѣсколько столѣтій отступившаго отъ кровавыхъ событій, хотя и до сихъ порь историки не могутъ согласиться въ томъ, насколько нужны и цѣлесообразны были крутые мѣры Петра. Что же долженъ былъ испытывать чуткій современникъ, своими глазами наблюдавшій ужасы стрѣлецкихъ казней, видѣвшій, какъ царь своими руками рубить головы виновнымъ или приказываетъ вырыть изъ могилы трупъ Милославскаго и положить его такъ, чтобы кровь казненныхъ стрѣльцовъ лилась на этотъ трупъ и съ него стекала на землю? Въ Воронежѣ для Петра не было такихъ непавищныхъ враговъ, какъ стрѣльцы, и потому здѣсь не было такихъ ужасно торжественныхъ казней. Но Донъ былъ извѣстенъ царю своею «неблагонадежностью», какъ пріютъ для недовольныхъ, бѣжавшихъ изъ Москвы. А «неблагонадежность» всегда вызывала въ Петра самое суровое отношеніе. Не нужно также забывать, что чрезъ все теченіе Дона прошли тѣ 3000 стрѣлецкихъ семействъ, которыя были сосланы Петромъ въ Азовъ; не нужно забывать, что сюда, въ донскіе лѣса и степи бѣжало населеніе, не вынесшее петровскаго тягla. Наконецъ, сюда часто наѣзжалъ самъ царь, который вездѣ оставался самъ собою...

Но какъ бы ни тяжела была судостроительная работа, какъ ни обременительно было государственное тягло, какъ ни сурово было правленіе, русскій народъ остался бы верно подданнымъ и самые протестующіе голоса потопули бы въ общемъ повиновеніи,—еслибы Петръ не посагнулъ на завѣтныя чувства народа. Эти чувства скились съ опредѣленнымъ вѣнчаниемъ укладомъ жизни, который сдѣлался чѣмъ-то свя-

¹⁾ Багалѣй, цит. соч., стр. 376.

щеннымъ. Современному «образованному» человѣку трудно и представить, что значилъ для народа этотъ укладъ, какъ онъ былъ неотдѣлимъ отъ народнаго самосознанія и даже отъ самой вѣры. Еще раньше цѣлые массы народа не побоялись возстать противъ патр. Никона, когда послѣдній рѣшился изменить форму, оболочку религіозной жизни. Онъ былъ совершенно правъ теоретически, измѣняя искаженный обрядъ, исправляя его. Но съ этимъ искаженнымъ обрядомъ срослось религіозное чувство, такъ что измѣненіе обряда для многихъ оказалось равносильнымъ потерѣ привычного религіознаго чувства. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ, представляя читателю прослѣдить развитіе этого взгляда въ статьѣ проф. В. О. Ключевскаго. «Западное влияние въ Россіи»¹⁾.

Для насъ несомнѣнно только, что указанная народно-психологическая причина раскола имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ другія. Но п. Никонъ круто измѣнилъ привычный обрядъ во имя церковной истины, ради восстановленія древнаго обряда. Во имя чего дѣйствовалъ Петръ I, посягая на старинный укладъ жизни? Во имя началъ западной цивилизаціи, которая онъ считалъ необходимымъ для Россіи. Но если Никоновская реформа, при всемъ ея согласіи съ учениемъ православія, вызвала противъ него подозрѣніе въ преклоненіи католическому «ратному» Западу, то неудивительно, что дѣйствія Петра привели народную массу къ мысли, что онъ еретикъ, что онъ даже самъ антихристъ. Всѣмъ извѣстны тѣ общія распоряженія, которыя особенно смущали народную массу: это перенесеніе нового года на 1 января, брадобритіе, переодѣваніе въ нѣмецкое платье и общій тонъ петровской жизни, являвшейся прямымъ противорѣчіемъ народнымъ привычкамъ. Но здѣсь необходимо привести сохранившіяся свѣдѣнія о томъ, какъ тѣ же распоряженія проводились въ Воронежѣ и какое впечатлѣніе производили они на мѣстное населеніе.

Случайная столица Петра, имѣвшая царскій «шатерь»,—Воронежъ повторилъ исторію Москвы, съ пріѣздомъ сюда царя. Для работы на верфи сюда выслано было множество «нѣмцевъ», точнѣе людей разныхъ европейскихъ народностей,

¹⁾ Вопросы Философіи и Психологія. 1897 г. Кн. 36, 38, 39 особы. стр. 792—794.

по державшихся протестантства. Эта разнородная и разноплеменная толпа была солидарна только въ одномъ—въ цѣли своего пребыванія въ глухомъ, прежде безвестномъ, русскомъ городѣ. Цѣль эта—нажива. Въ большинствѣ это и были ловкие авантюристы, «люди съ упрощенной нравственностью». Но по волѣ царя, цѣнившаго въ нихъ знаніе, они—пришельцы—дѣлаются хозяевами положенія. Скоро у рѣки—близъ царскаго шатра—возникаетъ людная нѣмецкая слобода, съ двумя кирхами. Здѣсь же стоитъ древійший мѣстный монастырь—Успенскій, устроенный по приказу царя Бориса. Но въ 1700 году, по приказу великаго государя ¹⁾, монастырь упраздняется, и отъ него остается одна приходская церковь, вокругъ которой, на мѣстѣ прежнихъ келій, возникаютъ постройки саповниковъ Петра. Мѣстность вокругъ бывшаго монастыря, такимъ образомъ, сливается съ нѣмецкой слободой. Здѣсь живеть царь, проводя время между работой и пираами, въ сообществѣ главнымъ образомъ нѣмцевъ и тѣхъ русскихъ, которые дѣлаются все, что угодно царю. Но царь подолгу и не бываетъ въ Воронежѣ, а слобода продолжаетъ жить свою жизнью. Вотъ одинъ случай изъ этой жизни. Наслышавшись о кипучей судостроительной дѣятельности въ Воронежѣ, датскій и бранденбургскій посланники пожелали сами побывать здѣсь. Петръ разрѣшилъ это путешествіе, и знатные гости были встрѣчены Лефортомъ. Ради встрѣчи Лефортъ устроилъ пиръ. Разгоряченные виномъ гости, вмѣсть съ хозяиномъ, вышли на открытый воздухъ, такъ какъ была февральская оттепель. Но неосторожность не прошла даромъ: Лефортъ простудился. Однако ему не хотѣлось откладывать другого пира, который онъ назначилъ на пятницу первой недѣли великаго поста. Пиръ состоялся, но самъ Лефортъ уже не могъ присутствовать на немъ. Позвали реформатскаго пастора Стумпфуса. Лефортъ слушалъ его спачала съ кротостью и смиреніемъ, но потомъ, въ непрерывномъ бреду, отгонялъ прочь, требуя вина и музыкантовъ. Медики разрѣшили послѣднєе: любимые звуки знакомыхъ арій успокоили больного. Началась агонія, и Лефорта не стало ²⁾.

Эти и подобные факты происходили на виду у Воронежскаго населенія, и понятно, что, въ соединеніи съ общимъ не-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Дѣла Монаст. Приказа, влзка 207, № 54.

²⁾ Устріловъ, т. III, стр. 263.

довольнымъ настроеніемъ, дѣйствовали весьма неблагопріятно на отношеніе воронежцевъ не только къ ненавистнымъ «нѣмцамъ», но и къ самому царю. Голиковъ передаетъ въ этомъ отношеніи такой анекдотъ, который при другихъ обстоятельствахъ позволительно было бы принять за невѣроятную сказку. «Въ великий постъ Его Величество потребовалъ кислой капусты; послано было за оною къ членамъ магистратскимъ, состоявшимъ изъ тамошняго (воронежскаго) купечества; но сіи, бывъ тогда въ собраніи, посовѣтовавъ о томъ, заключили: что если де одинъ разъ дадимъ оной, то уже и всегда не только къ Государю, но и ко всѣмъ при немъ находящимся отпустить ее будемъ принуждены; а чрезъ то и у самихъ наскоро въ оной послѣдуетъ недостатокъ. И такъ разсудили отказать, сказавъ, что у нихъ ее нѣть. Монархъ послалъ одного изъ денщиковъ своихъ осмотрѣть у самихъ тѣхъ членовъ ледники; сей нашелъ въ нихъ цѣлые чаны оной. Великий Государь, призвавши ихъ къ себѣ, представляетъ имъ съ отеческою милостью ихъ глупость и грубость, что они Государю своему, цекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ ничего не значущей малости, имѣя оной у себя съ излишествомъ. Не могли они не почувствовать и милости его и своего непростиительного поступка въ отказѣ капусты; они, упавъ къ ногамъ его, со слезами просили въ томъ прощенія. Монархъ, сдѣлавъ имъ еще увѣщаніе, прощаетъ ихъ, пригрозя однакоже, что если они впредь подобное сему что учинятъ, то бѣ страшились гибѣа его» ¹⁾. Вотъ фактъ, который въ отрывочной передачѣ поклонника великаго царя ни о чёмъ другомъ не свидѣтельствуетъ, какъ о глупости и грубости воронежскихъ купцовъ. Но достаточно прочитать слѣдующій же анекдотъ въ той же книжѣ, чтобы понять, что не одна глупость и грубость могла отталкивать тѣхъ же купцовъ отъ царя. «Суевѣrie въ то время столь обладало умами, что самое, такъ сказать, ничтожное представлялось имъ грѣхами смертными, какъ-то: бритье бороды, покрой платья, несообразный съ платьемъ предковъ ихъ. Самыхъ членовъ магистратскихъ въ помянутомъ городѣ никакъ не могъ уговорить Государь обрить бороды и перемѣнить платье. Они хотѣли лучше платить штрафъ и нести гибѣа его, нежели согласиться на такое, по

¹⁾ Голиковъ, Анекдоты, касающ. до Госуд. Имп. Петра Великаго, стр. 76.

міїю ихъ, преступленіе. И хотя прискорбно сіе было Его Величеству, но онъ не хотѣлъ однако же принудить ихъ къ тому властію, а ожидалъ того отъ времени и отъ лучшаго воспитанія дѣтей ихъ. Князь Меншиковъ, желая угодить государю, изготовя для всѣхъ сихъ членовъ магистратскихъ нѣмецкое платье, даже до рубашекъ, наканунѣ праздника Пасхи, предъ самою уже заутренею, призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ и объявилъ имъ, будто бы именной Его Величества указъ, чтобы они тотчасъ или обрили бороды и одѣлись въ нѣмецкое платье, или бы готовились въ ссылку въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленныя уже къ тому и подводы; и что не допустить онъ ихъ даже проститься съ женами и семействами ихъ, но тотъ же часъ увезутъ ихъ, ежели они явятся преслушкими указу. Поднялся плачь, рыданіе и вопль бѣдныхъ сихъ по птицѣ людей. Они упали къ ногамъ его, прошли милости и заступленія его у Государя, говоря притомъ, что они готовы все сдѣлать, нежели растянуть (какъ они говорили) образъ Божій, и что лучше согласится потерять головы, нежели бороды, и проч. Головъ вы не потеряете, отвѣчалъ князь; но я не смѣю просить государя о перемѣнѣ указа. Итакъ должны вы сейчасъ садиться въ кибитки. При семъ словѣ, по приказу его, вошли солдаты и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ столъ былъ silentъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ согласились лучше щѣхать въ заточенье, нежели лишиться бороды; но когда повели ихъ изъ покоеvъ на дворъ, то одинъ изъ нихъ, который былъ помоложе, любя свою жену, проливая горькія слезы, перекрестился и сказалъ: «буди воля Божія!» и согласился на обрѣти бороды. Видя это, и всѣ другіе, тронутые тѣмъ же сожалѣніемъ о женахъ, дѣтяхъ и домахъ своихъ, одинъ за другимъ послѣдовали примѣру своего товарища, и такъ были обриты и наряжены въ нѣмецкое платье. Князь, видя однако же неутѣшио ихъ плачущихъ, хотя не былъ онъ и самъ богословъ, утѣшалъ ихъ, говоря, что пѣть въ томъ никакого грѣха, когда волосы будутъ обрѣзаны; но въ томъ грѣхъ, если будутъ заповѣди Христовы и Апостольскія не сохранены, а одна изъ заповѣдей сихъ поучастъ, что «противляющіеся предержащей власти противляются повелѣнію Божію: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога». Все сіе продолжалось даже до заутрени, и когда уже монархъ былъ въ соборѣ, тогда князь пришелъ съ ними туда

и поставилъ новопреображеныхъ сихъ за крылосомъ. Монархъ сначала не примѣтилъ ихъ входа, но въ продолженіе заутрени, нечаянно оглянувшись, увидя стоящихъ въ новыхъ нѣмецкихъ кафтанахъ одинакового цвѣта и не могши никакъ узнать ихъ, подозревавъ къ себѣ князя, спросилъ: «что это за люди?» Князь донесъ, что это члены здѣшняго магистрата. Государь такъ обрадовался этому, что тотчасъ же сошелъ къ нимъ съ крылоса и прежде еще времени поцѣловалъ ихъ каждого, говоря: «Христосъ Воскресе!» благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали и, оборачивая каждого изъ нихъ, говорилъ: «ахъ, какіе молодцы! посмотрите пожалуйте, тѣ ли вы стали, какіе были прежде?» А на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу своему и пиль за ихъ здоровье ¹⁾.

Таковъ разсказъ Голикова, который хочетъ имъ доказать суевѣrie и невѣжество воронежскаго купечества, но неумышленно раскрываетъ предъ нами истинную причину холодныхъ отношеній воронежцевъ къ предприятиямъ Преобразователя. Одинъ этотъ любопытный «анекдотъ» можетъ совсѣмъ измѣнить и смыслъ предшествующаго смѣшного случая съ кислой капустой. Вообразите, что пережили эти купцы передъ пасхальной заутреней, когда они были увѣрены, что не увидаютъ больше своихъ присныхъ; представьте ихъ жалкое положеніе, когда они, убѣженные, что обрѣть бороды растяли въ себѣ образъ Божій, въ пасхальную заутреню стояли на видномъ мѣстѣ въ соборѣ, на глазахъ предъ праведнымъ святителемъ и предъ своими знакомыми, и вы поймете, что они не могли забыть этого случая. Не могли забыть его и зритѣли, видѣвшіе, какъ царь, похристосовавшійся съ этими «ряжеными» раньше положенного уставомъ времени, здѣсь же въ церкви поворачиваетъ ихъ изъ стороны въ сторону, громко восхищается ихъ поступкомъ, называя ихъ молодцами за то, что измѣнили себѣ. Опять повторяю, нужно перенестись въ настроеніе того времени, чтобы понять, что такие случаи не скоро забываются. Но есть и другіе факты такого же рода, правда—тоже отрывочные, но все же достаточно ярко характеризующіе настроеніе мѣстнаго населенія. «На Камышенкѣ, пишетъ англичанинъ Перри,—я зналъ одного русскаго плот-

¹⁾ Голиковъ, указ. соч., стр. 78—81.

ника, уже преклонныхъ лѣтъ, и очень любилъ его за исправность. Впослѣдствии онъ встрѣтился мнѣ въ Воронежѣ, вскорѣ послѣ того, какъ въ цирюльнѣ обрѣзали ему бороду. Я въ шутку сказаць ему, что онъ помолодѣлъ, и спросиць: «куда же дѣвалась твоя борода?» «Вотъ она», отвѣчалъ плотникъ, вынимая ее изъ-за пазухи: «я запру ее въ сундукъ и вело положить ее со мною въ гробъ, чтобы представать съ нею на страшный судъ. *Вся наша братья соплаетъ тоже*»¹⁾. Вотъ подлинное пастроеніе человѣка, надъ совѣстью котораго произведено оскорбительное насилие! Повидимому, само бѣлое духовенство иногда не могло не только поощрять, но и терпѣть такого насилия и сурово относилось къ бритымъ мірянамъ. Троицкій попъ Викула Федоровъ былъ привлеченъ къ судебнѣй отвѣтственности въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ: «о святой недѣльѣ былъ онъ, попъ Викула, въ дому Романовскаго солдата Пароенки съ образы, и въ то число онъ, Пароенка, пошелъ къ нему, попу Викулу, ко кресту, и его, Пароенку, онъ, попъ Викула, ко кресту не пустилъ для того, что у него, Пароенки, борода была выстрижена; и постѣ того онъ, Пароенка, пошелъ къ нему ко кресту въ другой, и его, Пароенку, онъ, попъ, ко кресту не пустилъ же и называлъ его басурманомъ»²⁾. Соблазнъ, произведенный въ населеніи нѣмецкой слободой съ ея кирхами и сбродными людомъ и усиленный распоряженіями о брадобритіи и переодѣваніи въ «нѣмецкое» платье, еще болѣе усиливался поведеніемъ самого царя. Выше замѣчено, что воронежская нѣмецкая слобода была повтореніемъ московской. Къ сожалѣнію, это повтореніе сказалось даже въ женскомъ обществѣ, окружавшемъ Петра: и здѣсь онъ проводилъ свой досугъ среди бойкихъ «нѣмокъ»... Въ то же время онъ не боялся нарушать посты, а это не могло укрыться отъ населенія и вызывало не только ропотъ, но даже прямое сомнѣніе въ томъ, подлинно ли это московскій царь, сынъ благочестиваго царя Алексѣя.

Въ 1701 году для цара великимъ постомъ покупали яйца въ с. Хлѣвию (нынѣ въ Задонскомъ уѣздѣ, Ворон. губ.). Какъ отнеслось къ этому населенію, обѣ этомъ можно судить по слѣдующему разговору, возникшему по этому случаю въ Се-

¹⁾ Брикинъ, стр. 293.

²⁾ Заѣревъ, Св. Митрофанъ въ борьбѣ съ расколомъ, Труды Ворон. Архива. Комиссии, Вып. I, 1902 г., стр. 6.

милуцкомъ монастырѣ (въ 12 верстахъ отъ Воронежа). «Подначальный» черный попъ Павелъ во время вечерни обратился къ строителю Тарасію съ вопросомъ: — На что тѣ яйца покупали?

— Да онъ, великий государь, яйца кушаетъ и въ великой постѣ, отвѣтилъ Тарасій.

— Для чего ты такія непристойныя слова про него, великаго государя, говоришь?

— Не токмо яйца: онъ, великий государь, въ великой постѣ и мясо кушаетъ.

— Такъ дѣлаютъ нѣмцы, а великий государь того не учинить, чтобы въ великой постѣ мясо кушать.

— Онъ, великий государь, и самъ нѣмчиновъ сынъ²⁾.

Въ сосѣдней Тамбовской епархіи подобныя мысли раздѣлялись даже самимъ епископомъ (Игнатиемъ), который проливалъ слезы надъ «тетрадками» Талицкаго, доказывавшаго, что Петръ — антихристъ. Нѣть сомнѣнія въ томъ, что эти мысли проникали и на Донъ, и самъ Петръ, живя въ Воронежѣ, не оставался равнодушнымъ къ нимъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ разсказъ тамбовскаго дѣячка Степана. Смущенный толками о томъ, что Петръ — антихристъ («бороды брить и у драгуновъ раскаты — это антихристова печать»), Степанъ пересталъ ходить въ церковь и пошелъ за совѣтомъ къ духовнику. Этотъ оказался изъ бывшихъ воронежскихъ пѣвчихъ. Выслушавши сомнѣнія Степана, онъ вспомнилъ: «были мы на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при его компаніи; зашелъ разговоръ о Талицкомъ; царь и говорить: «такой онъ воръ — Талицкій; ужъ и я антихристъ! О Господи, ужъ и я антихристъ предъ Тобою!» А мы еще, то слыша, подумали: Богъ знаетъ къ чему это онъ говоритъ...» Еще болѣе смущенный духовникомъ, Степанъ отъ живой жены ушелъ въ Трягулевъ (близъ Тамбова) монастырь и постригся тамъ. Но и здѣсь ему приходилось слышать, что Петръ не царь, а сынъ Лефорта и «предтеча» антихриста. Однажды, будучи въ Воронежѣ, Степанъ (теперь уже монахъ Самуиль) написалъ записку, что Петръ — антихристъ и подбросилъ ее въ какой то дворъ. На обратномъ пути, въ сель Избердеѣ, боярскій сынъ разсказываетъ ему, что Петръ пошелъ въ Стекольню (Стокгольмъ), и тамъ его посадили въ заточеніе, а это не нашъ государь...²⁾.

¹⁾ Устряловъ, т. IV, ч. 2, Слѣд. 1883, стр. 2022—04.

²⁾ Этотъ разсказъ относится уже ко времени послѣ смерти св. Митро-

Воть факты, отношение которыхъ къ Воронежу несомнѣнно. Но послѣ нихъ позволительно прибавить пѣсколько народныхъ отзывовъ о Петрѣ, приведенныхъ Соловьевымъ изъ «дѣль» Преображенского Приказа: хотя Соловьевъ не указываетъ, откуда, изъ какихъ мѣстъ шли эти отзывы, однако по своему смыслу они такъ гармонируютъ съ вышеприведенными фактами, что позволительно ими закончить очеркъ народнаго настроенія на Дону въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. Крестьянинъ ропталь: «какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на мірѣ, рубли да полтины, да подводы, отыху нашей браты крестьянству иѣть». Сынъ боярскій говорилъ: «какой онъ государь? нашу братью всѣхъ выволовъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побрали въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распропали на платахъ, и самъ онъ ходить на службу, нигдѣ его не убютъ: какъ бы убили, такъ бы и служба минулась и черни бы легче было». Крестьянки, солдатскія жены, кричали: «какой онъ царь? онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побрали въ солдаты, а нась съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». Холопъ говорилъ: «если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ нась переведеть; я удивляюсь тому, что его по си мѣстѣ не уходять:ѣздить рано и поздно по почамъ малолюдствомъ и одинъ; и иѣмцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тестъ Лефортъ умеръ; какой онъ царь? врагъ, оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы». Монахъ говорилъ: «навѣшаль государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станеть ихъ солить». Другой монахъ сказалъ на это: «эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ». Нижній говорилъ: «иѣмцы его обошли: часть добрый найдеть—все хорошо, а иной найдеть—такъ рвать да мечеть, да вотъ уже и на Бога наступиль: отъ церквей колокола снимаеть». Слышались слова: «міроѣдъ! весь мірѣ перѣѣдъ; на него кутилку переводу иѣть, только переводить добрыя головы!»¹⁾.

Какъ известно, въ самомъ началѣ XVIII вѣка это народное недовольство выразилось въ цѣломъ рядѣ восстаній. По-

фана, но, какъ очевидно изъ его содержания, онъ передаетъ и настроеніе конца XVII и самого начала XVIII. Поэтому же далѣе приводится изъ исторіи XVIII в. замѣченіе о Булавинскомъ бунтѣ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 129—130.

давленная въ Москвѣ ужасными казнями и пытками Преображенского приказа, оппозиція отразилась на окраинахъ—на среднемъ и нижнемъ теченіи Волги, на Днѣпѣ и на Дону. Донецкая смута нашла свое выраженіе въ томъ, что живъ еще хранитель отеческихъ преданій—царь Иванъ Алексѣевичъ, живъ, но скрывается въ Старомъ Іерусалимѣ¹⁾. Правда, донское казачество получило льготу хотя въ томъ, что было освобождено отъ брадобритія и отъ иѣменскаго платя²⁾; во этомъ, конечно, не уничтожались другія причины ропота. Поэтому, когда явился на Дону Булавинъ, то онъ съумѣлъ зажечь здесь восстаніе и надѣлалъ много хлопотъ и Петру и воеводамъ верхняго, средняго и нижняго теченія Дона. Самъ Булавинъ началъ восстаніе изъ казацкой удали, что и выразилъ въ своемъ обращеніи къ днѣпровскимъ казакамъ: «кто похочеть съ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичъ Булавинымъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко поспать да пойсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то прїѣзжайте въ черны вершины самарскія»³⁾. Но тотъ же Булавинъ измѣняетъ мотивировку своего восстанія, являясь на Донъ. Булавинцы, говорится въ воззваніи, разосланномъ здѣсь, рѣшились «стоять за домъ Пресв. Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга, и умирать за одно. А кото-рымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и иѣмцомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменами и чудесы прелестными»⁴⁾. Донцы, дѣйствительно, стали за Булавина во имя этой національно-религіозной идеи и за облегченіе новыхъ тяготъ. Если побѣмъ царскіе полки, пойдемъ на Воропежъ; тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побѣмъ»⁵⁾. «Мы стоимъ за вѣру христіанскую, что почали Еллинскую вѣру вѣровать; намъ только дѣло до иѣмецъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей»⁶⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 162.

²⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 148.

³⁾ Соловьевъ, т. XV, 1865, стр. 243.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 244.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 252.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 253.

Итакъ придонская дѣятельность Преобразователя вызвала массовое недовольство, опиравшееся на мотивы общественного и церковнаго характера. Конечно, эта дѣятельность не могла способствовать уничтоженію мѣстнаго раскола. Какъ ни прощателенъ былъ взоръ Петра, но и онъ не могъ увидѣть всѣхъ «укромныхъ» мѣсть Придона, и донскіе лѣса попрежнему продолжали служить пріютомъ для раскольниковъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ старообрядческихъ скитовъ, расположенныхъ здѣсь, и были потревожены судостроителями, но отъ этого дѣло православное едва ли получало выгоду. Напротивъ, петровская дѣятельность на Дону, какъ впрочемъ и вездѣ, лишила расколъ его прежняго изолированнаго положенія. Подъ вліяніемъ этой дѣятельности, шедшей противъ заѣтовъ старины, раскольническое движение изъ сектантскаго, обособленнаго дѣлается широкимъ общественнымъ явленіемъ. Въ православную душу народную закрадывается подозрѣніе что, царь еретикъ, а церковь, дѣлами которой онъ распоряжается, не можетъ оставаться въ прежней чистотѣ и неповрежденности. Пропомнимъ разсказанные выше случаи разномыслія народа съ царемъ относительно житейскаго «уклада», получившаго въ глазахъ народа священный характеръ, и тогда увидимъ, кто тамъ идетъ противъ царя? Это православные русскіе купцы, идущіе къ пасхальному заутреню послѣ совершеннаго надъ ними насилия; это православный игуменъ, не способный допустить, чтобы прирожденный русскій царь сталъ въ посты бѣсть мясо; это православный священникъ, не подпускающій бритаго ко кресту; это, наконецъ, іерей-духовникъ и монахъ—бывшій дьячекъ, не знающіе, вѣрить имъ или не вѣрить въ то, что Петръ—антихристъ. Такимъ образомъ, православное населеніе, раньше составлявшее опору церкви на Дону, стало впитывать въ себя элементы старообрядческаго раскола, и иногда готово было соединиться съ раскольниками въ общемъ протестѣ противъ новаго общественнаго строя: недаромъ Булавинъ соблазнялъ донское населеніе своимъ призывомъ стоять за истинную вѣру христіанскую—противъ вѣры «Елинской».

А рядомъ съ этимъ распространеніемъ раскольническихъ идей въ православной массѣ, шло другое, не менѣе опасное движение. Выше было указано, что въ учениіи донскихъ раскольниковъ первого времени не было выдержанности, опредѣленности, что въ немъ были элементы не одного старообряд-

ческаго раскола, но и сектантскаго. Эти послѣдніе элементы были особенно опасны тѣмъ, что, при рѣдкости церквей, при недостаткѣ духовенства и при отсутствії епархиальной власти, населеніе незамѣтно отвыкало отъ правленія съ его вѣшнимъ строемъ, съ его таинствами и ученіемъ, и привыкало къ безцерковной жизни. Дѣятельность св. Митрофана остановила развитіе этого практическаго сектантства. Но вотъ въ этотъ еще несложившійся матеріаль вводится новый дѣятель—нѣмецкое вліяніе. Не трудно понять, какъ это вліяніе усиливало мѣстное практическое сектантство. Но и здѣсь сектантское настроеніе, проникая въ массу, не вело къ образованію обособленнаго сектантскаго общества, та часть мѣстнаго населенія, которая увлекалась обычаями «нѣмцевъ», продолжала числиться православною. А это было гораздо опаснѣе для церкви, чѣмъ открытое и сознательное отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ членовъ: тогда какъ послѣднєе, такъ сказать, фиксировало болѣзнь и давало возможность направить противъ нея всѣ усилия церкви, первое оставалось для большинства и даже для нѣкоторыхъ представителей церкви не столь замѣтнымъ, а между тѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи грозило отпаденіемъ отъ церкви народной массы.

Какъ же отнесся къ противоцерковному народному движению св. Митрофанъ? И прежде всего, въ какія отношенія стала онъ съ великимъ Преобразователемъ?

Историки, касающіеся этого вопроса, единогласно свидѣтельствуютъ о миролюбивыхъ отношеніяхъ между царемъ и святителемъ¹⁾, а нѣкоторые, и особенно мѣстные любители старины, говорять даже о дружбѣ царя съ святителемъ²⁾.

Въ виду важнаго значенія этихъ отношеній для мѣстной церковной жизни, необходимо отмѣтить сохранившіяся о нихъ извѣстія. Но предварительно не можемъ не выразить недоумѣнія по поводу этой легенды о дружбѣ. Понимаютъ ли ви-шущіе объ этой дружбѣ самое слово, которое употребляютъ съ такимъ легкимъ сердцемъ? На чемъ могла быть основана эта дружба? На сходствѣ воспитанія или единствѣ сословныхъ понятій?—но обѣ этомъ и говорить странно. На единѣ житейскихъ привычекъ?—но гдѣ же сходство между жизнью

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 126; Знаменскій, стр. 316; Добролюбскій, В. IV, стр. 65—66.

²⁾ Поликарповъ, Петръ В. и св. Митрофанъ Ворсн. 1899, стр. 25.

праведнаго святителя и царя Петра?... Но можетъ быть, эта дружба основывалась на единствѣ теоретическихъ убѣждений?... Тоже странное предположеніе. Царь, составившій и пѣсколько разъ редактировавшій уставъ всешутѣйшаго и всепьянишаго собора, гдѣ самыя священныя вѣрованія православнаго созианія были подвергнуты, по меньшей мѣрѣ, легкомысленной, но во всякомъ случаѣ кощунственной, насмѣшкѣ, царь, открыто нарушавшій уставъ церкви во время своего пребыванія въ Воронежѣ — едвали казался воронежскому святителю единомысленнымъ... Нѣть, съ какихъ бы противоположныхъ точекъ зрѣнія мы ни смотрѣли на петровскую эпоху,—допустить дружбу между царемъ и святителемъ немыслимо. Какъ же понимать благожелательныя отношенія между ними? Они находятъ вполнѣ естественное объясненіе во всей предшествующей дѣятельности св. Митрофана.

Припомнимъ ту близость, которая существовала между Унженскимъ монастыремъ и домомъ Романовыхъ. Эта близость какъ бы родила макарьевцевъ съ царскимъ домомъ. Знакомство съ лицами царствующей династіи еще болѣе укрепляло чувства вѣрноподданнаго, сильныя и безъ того въ душѣ великорусса. Припомнимъ, что св. Митрофанъ наблюдалъ ужасы московской смуты 1681—2 годовъ; самъ подносилъ державу для врученія царственному мальчику — будущему великому царю, а потомъ наблюдалъ тѣ униженія, которымъ подвергся царь съ своими родичами отъ стрѣльцовъ и ихъ покровителей. Личныя впечатлѣнія отъ этой смуты, въ связи съ прежнимъ расположениемъ къ дому Романовыхъ, какъ уже сказано, сдѣлали изъ св. Митрофана убѣжденнаго сторонника самодержавной власти, какъ залога государственного благостоянія. Вотъ первая и главная основа для тѣхъ благожелательныхъ отношеній, какія установились между царемъ и святителемъ въ Воронежѣ.

А жизнь Петра, отдавшагося въ Воронежѣ работѣ судостроенія, не боявшагося чернаго труда послѣдняго плотника, естественно заставила святителя уважать царя — труженика. Между тѣмъ война съ турками, къ которой готовился Петръ въ Воронежѣ, была традиціонною борьбою, носила священный характеръ и не могла не встрѣтить благословенія со стороны воронежскаго первосвятителя. Послѣдній началъ свое священство въ Воронежѣ тогда, когда край еще не освободился

отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, когда въ самомъ Воронежѣ во время торжественныхъ крестныхъ ходовъ приходилось ставить военную охрану, въ виду опасности нападенія этихъ давнишнихъ враговъ Придонья.

Скромный и нетребовательный въ своемъ домашнемъ обиходѣ, довольствовавшійся тѣмъ, что готовилось на остальную братію архіерейскаго дома, св. Митрофанъ употреблялъ усиленія, чтобы достойно встрѣтить царственнаго гостя. Онъ закупалъ для этого и свѣжихъ стерлядей, и «московской доброй икры», и «ренскаго вина»¹⁾. А однажды, не нашедши въ Воронежѣ хорошей рыбы, онъ обращался къ острогожскому полковнику Федору Куколю съ просьбою «промышлить свѣжинъкова осетрика да бѣлужины свѣжей или хотя новосольной»²⁾. И царь, повидимому, любилъ бывать у гостепріимнаго святителя, любилъ слушать его служеніе, ставя на правый клиросъ своихъ «пѣвчихъ дѣяковъ», и самъ становясь тамъ же.

Но, конечно, не эти приемы заставили царя уважать воронежскаго святителя. Въ то же время онъ разошелся съ патріархами — съ почившимъ Іоакимомъ и настоящимъ Адрианомъ — и прїѣзжалъ въ Воронежъ послѣ рѣзкихъ столкновеній съ «бородачами». Воронежскій святитель заслужилъ благоволеніе царя тѣмъ, что понялъ цѣль его стремительной работы на Дону и, по мѣрѣ силъ своихъ, помогалъ царю въ этой работе. Участвуя своими взносами въ «кумпанствѣ» рязанскаго митрополита, онъ не жалѣлъ доходовъ своего архіерейскаго дома для государственного блага. Въ то время, какъ другіе архіереи недовольны были и участіемъ въ «кумпанствахъ», св. Митрофанъ отдаетъ царю крупныя сбереженія въ 4 и 3 тысячи рублей (т. е. на нашъ счетъ въ 40 и 30 тысячи). При этомъ Голиковъ приводить, по преданію, и слова святителя, сопровождавшія эти приношенія: «всякій сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издережекъ своихъ нуждъ государственной; прими же, государь, и отъ моихъ издережекъ оставшіеся сіи деньги и употреби оныя противъ невѣрныхъ»³⁾. Царь былъ тронутъ этимъ пожертвованіемъ

¹⁾ Полякарповъ, Петръ В. и св. Митрофанъ, стр. 17 и 22.

²⁾ Ворон. Акты. Второва, кн. 2, 1852 г., стр. 66—67.

³⁾ Голиковъ. Анекдоты, касающіе до Госуд. Имп. Петра В., Москва. 1798 г., стр. 83.

святителя, тѣмъ болѣе, что онъ испытывалъ крайнюю нужду въ деньгахъ. «Ты, богоносецъ нашъ, читаемъ мы въ его грамотѣ св. Митрофану, для общія и христіанскія пользы на вспоможенія святыхъ войны противъ непріятеля креста святаго, по доброжелательной ревности своей къ намъ, великому государю, ратнымъ людемъ морскаго воинскаго флота, которые служать намъ, дать изъ домовой своей казны денегъ 4 тысячи рублевъ на жалованье ихъ на Воронежѣ. И мы, великий государь, за усердножелательное твоє къ намъ и ко всему христіанскому народу радѣніе жалуемъ милостиво и премилостиво похваляемъ; за которое твоє усердножелательное радѣніе и впредь напиша царскаго величества милость къ тебѣ, богонольцу нашему, будеть неотъемлема»¹⁾.

Но еще важнѣе была для царя другая помощь, шедшая отъ воронежскаго святителя. Архиастырь, смотрѣвшій на азовскіе походы, какъ на священную войну съ невѣрными, относился ко всему пришлому служилому и рабочему люду, какъ къ своей паствѣ. Послѣ походовъ онъ счѣлъ нужнымъ сдѣлать въ своеемъ синодикѣ слѣдующую запись. «Помяни, Господи, души скоропостижною смертью преставленныхъ и утопленныхъ безъ покаянія и безъ причастія. Помяни, Господи, души усопшихъ православныхъ христіанъ, преставленныхъ въ градѣ семъ и во всякомъ мѣстѣ отъ глада и всякою нужною смертью скончавшихся съ покаяніемъ и безъ покаянія изо многихъ градовъ, и которыхъ въ полку боярина А. С. Шеина на пути преставленныхъ и подъ гор. Азовомъ побѣненныхъ, и въ плѣнъ заведенныхъ и на водѣ утопленныхъ и всякою нужною смертью скончавшихся и въ полку боярина Б. П. Шереметева побѣненныхъ и въ плѣнъ заведенныхъ, скончавшихся православныхъ христіанъ. Ты, Господи, имена ихъ вѣси»²⁾. Весною 1696 года архиастырская помощь святителя оказалась особенно нужной. Рабочій людъ собирался въ Воронежъ съ ропотомъ; не вынося тягостей работы, многие бѣжали; въ то же время открылась страшная смертность среди пришлага населения. Одни репрессивныя мѣры, къ которымъ прибѣгаль Петръ, могли подавить восстание, но не могли задавить глухое недовольство; а при такомъ настроеніи работа значительна тормозилась. Въ этомъ случаѣ слово праведнаго епископа

¹⁾ Болховитиновъ Е. Описание Ворон. губ., 1800, стр 104—105.

²⁾ Синодикъ св. Митрофана.

было особенно дѣйственно. «Въ простыхъ, но сильно надъ сердцами народа дѣйствующихъ поученіяхъ онъ возносилъ хвалами памѣренія государевы иувѣщевалъ трудиться въ работахъ и весь народъ къ ревностному содѣйствію отеческимъ попеченіямъ монарха»¹⁾). Припомнить, что въ то же время онъ шелъ съ своею материальною помощью къ этому люду, раздавая бѣднякамъ запуны, устраивая для неимущихъ столы и покупая для покойниковъ гробы и саваны. Сопоставление сильной смертности въ Воронежѣ—на верфи—въ 1696 году и покупки множества гробовъ даетъ основаніе предполагать, что эта послѣдняя помощь и шла именно на судовыхъ рабочихъ. Не могли также и ратные люди не знать того, что для раздачи имъ жалованья святитель отдалъ царю свои сбереженія. При такихъ обстоятельствахъ безхитростная рѣчи архиастыря могли вносить большие успокоенія въ массу, чѣмъ приказы власти. Неудивительно поэтому, что и царь, вообще недовольный высшей іерархіей, ограничивавшій ея права на земли и угодья, иначе относился къ воронежскому святителю: онъ своюю властью увеличилъ его епархію и одарилъ его вотчинами, которыя увеличили доходность его архіерейскаго дома.

Но этимъ и исчерпывается благосклонное отношение царя къ святителю и любовь святителя къ царю. Выше этого стоитъ христіанская дружба, основанная на единствѣ убѣждений и настроеній. Но этой дружбы между царемъ и святителемъ не было и быть не могло.

Какъ православный епископъ, святитель Митрофанъ не могъ спокойно смотрѣть на наплынь «нѣмцевъ», на возникновеніе нѣмецкой слободы съ кирхами. Мы уже видѣли, какой соблазнъ производило это явленіе въ народѣ. А рядомъ съ этимъ производилось насильственное браобритіе и переодѣваніе русскихъ въ «нѣмецкое» платье. Если прибавить къ этому, что самъ царь иногда смущалъ населеніе своимъ неуваженіемъ къ уставамъ церкви, то мы поймемъ, что положеніе святителя было весьма тяжелое. Но, какъ вѣрноподданный, заботившійся о поддержаніи мира въ населеніи, онъ не высказывался открыто противъ непріятнаго ему явленія. Однако молчанію есть предѣлъ, и воронежскій первосвятитель счѣлъ своимъ долгомъ возстать противъ новшествъ, когда уви-

¹⁾ Голиковъ, Авекдоты, стр. 82.

дѣль, что дальнѣйшее терпѣніе будетъ попустительствомъ. Предоставимъ слово опять Голикову, который иронически относится къ поступку святителя и потому не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастномъ изложении факта (въ пользу св. Митрофана).

«Его Величество имѣлъ маленький свой дворецъ на острову рѣки Воронежа; входъ въ него украшали статуи языческихъ божествъ: Юпитера, Нептуна, Минервы, Геркулеса, Венеры и другихъ. Однажды Монархъ велѣлъ архіерею быть къ себѣ во дворецъ. Старецъ тотъ же часъ пошелъ; но войдя во дворъ, увидя упомянутыя статуи, въ числѣ коихъ и нагую Венеру, повернулся назадъ и ушелъ. Допесли обѣ этомъ монарху, и Его Величество, не понимая причины этого страннаго поступка, послалъ за нимъ опять. Но сей добродѣтельный впрочемъ, по простодушіи и неучености, скажалъ присланному: пока государь не прикажетъ свергнуть идолы, не можетъ войти во дворецъ его. Великій государь не могъ не огорчиться на него; онъ послалъ вторично къ нему сакимъ указомъ, что если онъ не придетъ, то ослушаніемъ предержащей власти подвергнетъ себя смертной казни. «Въ жизни моей государь властенъ, отвѣчалъ святитель, но не прилично христіанскому государю ставить языческихъ идолы, и тѣмъ соблазнять простыя сердца»; итакъ охотнѣе онъ примѣтъ смерть, а не подтвердить присутствіемъ своимъ сихъ языческихъ чтилицъ. Сколь ни былъ государь раздраженъ такимъ грубымъ (?) отвѣтомъ и непослушаніемъ архіерея; но любя и почитая въ немъ добродѣтели его, снесъ сіе терпѣливо. А такъ какъ это происходило уже предъ вечеромъ, то монархъ, услыша благовѣсть въ соборѣ въ большой колоколь, спросилъ: «развѣ завтра праздникъ?» Но такъ какъ праздника не было, то онъ повелѣлъ узнать причину сего отъ самого архіерея. Чѣмъ отвѣтствовалъ онъ присланному къ нему? «Понеже мнѣ отъ Его Величества сказана смерть, того ради я, яко человѣкъ грѣшный, долженъ предъ смертью свою принести Господу Богу покаяніе и испросить грѣховъ своихъ прощеніе соборнымъ моленіемъ; и для сего то назначиль я быть всенощному бдѣнію». Получивши такой отвѣтъ, Государь, вмѣсто того, чтобы еще больше прогнѣваться, не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться; и тотъ же часъ послалъ сказать ему, что онъ его во всемъ прощаетъ, и потому чтобы

онъ пересталъ тревожить народъ необыкновеннымъ звономъ. Мало этого: снисходительнѣйшій (?) государь повелѣлъ снять соблазнявшія (святителя) статуи. Архіерей на другой день послѣ этого, увидѣвъ дѣйствительно, что статуи сняты, пріѣхалъ къ государю благодарить его за это. Какой бытъ при этомъ между ними разговоръ, неизвѣстно; то только вѣрно, что великій государь не отмѣнилъ къ нему ни любви, ни уваженія своего ¹⁾».

Для Голикова поступокъ св. Митрофана представляется дѣломъ его простодушія и неучености; такимъ же, повидимому, онъ показался и царю, который разсмѣялся, узнавъ, въ чемъ дѣло. Но при этомъ царь, замѣтно, былъ встревоженъ звономъ, боясь, какъ бы не взволновался народъ. Быть можетъ, и поэтому онъ послѣшилъ перемѣнить гнѣвъ на милость; въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, когда опасности не было, онъ не стѣснялся казнями. Правда, здѣсь онала обрушивалась на достойнѣшаго пастыря; но это не имѣло рѣшающаго значенія для Петра тамъ, где онъ встрѣчалъ противодѣйствіе своей власти. А здѣсь онъ даже приказалъ убрать статуи,—едва ли не единственный случай уступчивости за все царствованіе Петра. Очевидно, было чего опасаться, въ противномъ случаѣ. Если и безъ того населеніе и пришлый людъ съ трудомъ несли непосильное тягло и роптали на новшества, то чего можно было ожидать, если изъ-за этихъ ненавистныхъ новшествъ погибъ любимый святитель?

Это, конечно, политическая сторона дѣла, на которую особенное вниманіе долженъ быть обратить царь, по которой не могъ имѣть въ виду св. Митрофанъ. Вся его продолжительная жизнь была посвящена созиданію порядка, повиновенія законной власти, какъ основы «тихаго и безмолвнаго житія во всякомъ благочестіи и чистотѣ»; поэтому народное волненіе могло возникнуть только вопреки его желанію. Если онъ рѣшился воспротивиться царскому велѣнію, то только по завѣту апостоловъ—больше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ (Дѣян. 4, 19). Есть, впрочемъ, мнѣніе, что поводъ къ протесту такъ ничтоженъ, что было бы благоразумище молчать. Но это мнѣніе, раздѣлявшееся царемъ и часто высказываемое въ настоящее время, исходить отъ людей не послѣдовательныхъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 83—86.

вопросахъ вѣры. Въ настоящее время обстановка русской жизни такъ обезцѣтилась, русскій быть принялъ въ себя такъ много чуждыхъ элементовъ, что даже многіе православные люди не понимаютъ, почему святитель такъ смутился статуями. Теперь, когда не только музеи и общественные учрежденія, но и частные дома переполнены и статуями и картинами мифологического характера, когда даже въ публицистикѣ призываютъ къ культу Діониса и къ возрожденію язычества выдается за пополненіе «односторонняго» христіанства,— теперь поступокъ святителя многимъ кажется еще болѣе смѣшнымъ, чѣмъ онъ показался Петру Великому. Но нужно припомнить возврѣнія и привычки лучшихъ людей XVII вѣка, чтобы понять, что воронежскій святитель поступилъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви и своего народа. У этого народа есть иная изображенія, которыя воспитываютъ строгое нравственное чувство, а не потворствуютъ похоти. Эта народа до сихъ поръ зналъ только два вида изобразительного искусства—иконопись и храмозданіе и въ нихъ, въ связи съ богослуженіемъ, преимущественно находилъ источникъ образованія. Цѣльность характера, послѣдовательность убѣждений св. Митрофана получаются еще большее значеніе, если этотъ фактъ рассматривать въ связи съ тѣмъ народнымъ настроениемъ, о которомъ сказано выше. Не нужно забывать, что святитель настаивалъ на уничтоженіи статуй во избѣженіе «себазна простыхъ сердецъ», т. е. тѣхъ цѣльныхъ по возврѣніямъ простолюдиновъ, которые видѣли въ образѣ жизни царя отступленіе отъ завѣтovъ святой старины. А въ такомъ случаѣ предъ нами вырастаетъ величавый образъ христіанского епископа, который свою вѣру и жизнь связалъ неразрывными узами съ вѣрою и жизнью своей паствы и для котораго архиастырскій долгъ выше личнаго благополучія, выше даже самой земной жизни. Такіе образы свѣтили не только современникамъ, находившимъ въ нихъ успокоеніе отъ наступившаго разброда мыслей и расшатанности жизни,—на нихъ съ любовью и утѣшениемъ останавливаются и позднѣйшія поколѣнія—въ сознаніи, что живеть наша Церковь, дающая такихъ паstryрей. Этотъ поступокъ ставить воронежскаго первосвятителя рядомъ съ Г. Златоустомъ, Василиемъ Великимъ и Амвросіемъ Медіоланскимъ; какъ онъ же, хотя и въ меньшей мѣрѣ, былъ повторенъ ми-

троп. Филаретомъ московскимъ, отказавшимся освящать при ими. Николаѣ I триумfalныя ворота.

Царь уступилъ—убралъ статуи. Но этимъ былъ уничтоженъ только одинъ поводъ къ соблазну. Въ Воронежѣ осталась нѣмецкая слобода съ ея кирхами, и нѣмцы продолжали оказывать свое влияніе на православный людъ. Поэтому и святитель не могъ успокоиться. Но онъ не могъ обличать это явленіе такъ, какъ обличилъ выставку статуй: здѣсь былъ выпуклый фактъ, тамъ было общее явленіе, оправдывавшееся государственными нуждами. Трудно допустить, чтобы святитель не говорилъ объ этомъ съ царемъ; но это былъ такой пунктъ, въ которомъ Петръ былъ особенно неуступчивъ,—вѣдь изъ-за него онъ разошелся со всею великорусской епархией, начиная еще съ патр. Іоакима. Безсильный въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ, св. Митрофанъ уже на краю гроба призывалъ и правительство и общество отказаться отъ него во благо народа и для охраненія вѣры. Держа въ рукахъ «Духовное Завѣщаніе» патр. Іоакима, онъ продиктовалъ изъ него, между прочимъ, отдѣль обѣ отношеній къ нѣмцамъ, только слегка сохранившія рѣзкія выраженія¹⁾.

«Завѣщаваю епархиѣ своея всякому чину православнымъ христіанамъ съ еретиками и иновѣрцами, съ латыни и лутеры, кальвини и злобождѣнными татарами (ихъ же гнушается Господь и Церковь Божія съ богомерзкими ересими ихъ проклинаетъ) общенія въ содружество не творити; но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалятися, отнюдь бо со иновѣрцами содружества не имѣти и во укоризну о вѣрѣ не разговаривати ни съ кѣмъ и обычаевъ бы ихъ иностранныхъ по своимъ ихъ ересямъ на прелестъ христіаномъ отъ нихъ не слушати, и сие бо имъ запрещати пакрѣпко. Татарове зловѣрные, еретики же Церкви святая отступные и вси суть прокляти, зане и Апостолъ святый Павелъ и во единой христіанской вѣрѣ братій сущихъ, панствующихъ и безчинствующихъ, отлучатися и не примѣшатися къ nimъ заповѣда, колми паче таковыхъ еретиковъ, развратниковъ и хулителей святая вѣры наша отлучитися всячески подобаетъ. Еретики

¹⁾ Высказываемъ это, какъ предположеніе, на основаніи сличенія двухъ завѣщаній и тѣхъ ошибокъ въ завѣщаніи св. Митрофана, которыхъ возможно объяснить только въ томъ случаѣ, если писецъ недостаточно явственно слышалъ диктовку св. старца.

бо, яко лютеры, кальвины и латыни не совѣтуютъ и не глаголютъ, яже церковная правая, но яже человѣческая новообрѣтия и чуждее истиинаго благочестія... Еще же глагола Господь: егда идеша на братья, свободися отъ всякаго скверна слова; а во христіанскихъ полкахъ и богохульскіе живые идолы еретики, злословящіе святую нашу вѣру и благочестіе, многіе иновѣрцы: лютеры, кальвины и латыни неправомудрствующіи, да еще и начальниками волки надъ агнцами христіаны, имъ же вся оскорбления, бѣдныя, сотворяютъ. Нѣсть убо добро еретику человѣку, неправославну сущу, христіаны православными владѣти и начальствовать и судити тиа. Пободаетъ православнымъ христіаномъ въ таковыхъ чинахъ быти и устроити потребная, ибо благодатію Божію въ россійскомъ царствіи Его царскія державы людей благочестивыхъ, въ работорствѣ искунныхъ и знающихъ, въ полковыхъ строяхъ зѣло много. Апостоль же святый Павелъ зѣло Коринтоны посрамляше, егда предъ иновѣрцами судишася, глаголаше бо: къ сраму вамъ глаголю униженныхъ въ Церкви—у насъ же весьма отчужденныхъ—почто посаждаете судити вѣрныхъ, та-ко ли нѣть въ васъ мудръ ни единъ, иже можетъ разсудити между братій своихъ? Но братъ съ братомъ судится да еще предъ невѣрными. Сіе бо отнюдь вамъ срамъ есть, яко суди-тися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ, сіе стыдъ отъ ере-тиковъ и злобоженыхъ татаръ неправедныхъ, у нихъ же христіане въ подданствѣ, а не отъ святыхъ христіанъ единород-ныхъ и единовѣрныхъ россійскихъ и въ царствѣ единомъ жи-вущихъ. Иновѣрцы же, аще и прежде сего въ древнихъ лѣ-тѣхъ пользы отъ нихъ сотворящеся мало, явни бо они враги Богу и Пресвятой Богородицѣ, Церкви святѣй и памъ хри-стіаниномъ.

И паства нашей всякаго чина люди да не навыкнутъ ино-странныхъ обычаевъ непотребныхъ; и не утверждениіи въ вѣ-рѣ и Писанія певѣща со иновѣрными о вѣрѣ да не гла-голютъ и лестиаго ученія ихъ весьма да не слушаютъ; но да возымѣютъ въ крѣпости отеческая благоразсудная и воздер-жанная поступленія въ дѣлѣхъ и вещехъ, писано бо: не буди-всякимъ вѣтромъ носимъ (Ефес. 14, 4), измѣняющія скор-остию потребствѣ, и старѣшихъ не презираи и всякое дѣло начинай, смотрите конца, каковыи будетъ всѣмъ, зане вся тварь и время отъ времени скоро измѣняются и кончина

смертная всѣмъ приближается, ей же и азъ и лѣты болѣзни близъ приверженъ есмъ».

Эта старческая болѣзнь и свела святителя въ могилу, когда ему было 80 лѣтъ отъ роду. За три мѣсяца до смерти, 10 августа 1703 года, онъ принялъ схиму, съ именемъ Мар-карія. Нѣсколько разъ надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія; нѣсколько разъ во время болѣзни онъ причащался. Наконецъ, 23 ноября праведный святитель скончался. Но погребеніе его было отложено на 4 декабря, по распо-рядженію царя, который для этого ускорилъ свой прѣездъ изъ Москвы въ Воронежъ. Государь прибылъ на отпѣваніе со всѣми знатными и морскими офицерами и мастерами кора-бельными. И когда духовные готовились поднять гробъ его, тогда Великій Государь, обратясь къ пришедшемъ съ нимъ, сказалъ: «стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельству-емъ нашей благодарности благодѣтельному сему пастырю, от-даніемъ ему послѣдней чести; итакъ вынесемъ тѣло его сами». При словѣ семъ Монархъ принялъ первый за гробъ его. А постѣ погребальной панихиды, Его Величество опять съ вель-можами и офицерами своими поднялъ гробъ и опустилъ оный въ землю¹⁾). При этомъ государь «предъ всѣми вслушъ» ска-залъ своимъ приближеннымъ «и иноземцамъ»: «не осталось у меня такого святого старца»²⁾.

Великій царь былъ правъ, можетъ быть, только въ томъ, что у него не осталось *такого* святого старца. Но онъ ошиб-бался, думая, что не осталось у него совсѣмъ святыхъ стар-цевъ. Они были и свѣтили русскому народу въ разныхъ кон-цахъ его царства; но къnimъ не было у Петра того довѣ-рія, съ какимъ онъ относился къ святителю Митрофану.

Вмѣсто заключенія.

Со дня кончины воронежскаго первосвятителя прошло двѣsti лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ продолжалъ оста-ваться строителемъ Донского края. Его св. имя крѣпко запом-нилось мѣстнымъ населеніемъ и служило спасительнымъ мая-комъ, ведшимъ населеніе къ выполненію завѣтовъ прав. Цер-кви. А съ тѣхъ порь, когда были открыты мощи святителя

¹⁾ Годиковъ, Указ. соч., стр. 86—87.

²⁾ См. у Н. И. Поликарпова, Петр. Вел. и св. Митрофанъ, стр. 25.

(1832 г.), это имя сдѣлалось однимъ изъ священныхъ воспоминаний для всего русскаго народа. За всю синодальную эпоху насчитывается только пять такихъ именъ, это: св. Митрофанъ († 1703), св. Иннокентій Иркутскій († 1731), св. Тихонъ Задонскій († 1783), и преп. Серафимъ Саровскій († 1833). Прославленіе саровскаго подвижника привлекаетъ вниманіе русскаго православнаго общества и углубить православное сознаніе. Но вслѣдъ затѣмъ православное общество обязало вспомнить первого угодника нашей эпохи, строителя донской украины и всероссійскаго чудотворца— св. Митрофана.

ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читашъ:
4	10 снизу	Палашовъ	Палатовъ
5	10 >	расношерстною	разношерстною
6	16 сверху	правители	представители
8	5 снизу	такъ какъ зналъ	такъ какъ Разинъ зналъ
12	12 сверху	крутицкаго	крутицкаго
13	15 >	долей	даней
—	12 >	¹⁾	²⁾
—	23 >	²⁾	
14	1 >	Антоній	³⁾ Второвъ. Воронеж. Акты, II, стр. 155—156.
20	27 >	Въ Черкассѣ Самойло имѣль вліяніе	Рязань митроп. Антоній. 6. Въ Черкассѣ имѣль вліяніе бѣлый свящ. Семіонъ изъ г. Усерда.
21	16 >	дало	дано
24	18 >	и обстоятельства	обстоятельства
26	14 >	изъ красныхъ	изъ красивыхъ
—	21 >	не первая	но первая
27	6 >	Яхремскій монастырь	Яхремскій настоятель
28	20 >	державу	корону
29	1 снизу	12046	2046
	(прим. 2)	896	896
30	22 сверху	настроеніямъ	настроеніямъ
34	6 снизу	защитника	защитниковъ.
37	1 > (пр. 2)	20%	27%
38	6 сверху	курняковъ	курняковъ
—	10 >	1699—1703	1699. 1702—1703
57	4 >	въ томъ	въ томъ убѣждени
60	23 >	державу	корону
67	20 >	сохранившіи	смагчивши
70	3 >	пять	четыре

Съ 1903 года издается
богословско-миссионерский журналъ
„ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ“

Программа журнала:

Отдѣлъ I (официальный). 1) Узаконенія и распоряженія центрального и епархиального начальства по дѣламъ раскола, сектантства и миссіи.
Отдѣлъ II (общебогословскій). 2) Слова и бесѣды на воскресные, праздничные и высокоторжественные дни, преимущественно противораскольническаго и противосектантскаго содержанія. 3) Изъясненіе Священнаго Писания. 4) Статьи объ истинахъ вѣры и нравственности. 5) Статьи по изъясненію богослуженія и церковныхъ каноновъ. **Отдѣлъ III** (исторический). 6) Статьи по общей и русской церковной исторіи. 7) Жизнь и дѣятельность борцовъ съ расколомъ. 8) Русский расколъ старообрядчества и сектантство въ его прошломъ и настоящемъ. 9) Дѣточеское происходящихъ въ расколѣ и сектантствѣ событий. **Отдѣлъ IV** (апологетико-полемический). 10) Разборъ ученія раскольниковъ и сектантовъ. 11) Миссионерская бесѣды. **Отдѣлъ V** (миссія). 12) Мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссіи. 13) Обзорѣніе современной постановки миссионерскаго дѣла въ Россіи. 14) Сужденія свѣтскихъ писателей по вопросамъ миссіи и расколо-сектантства. **Отдѣлъ VI.** 15) Впечатлѣнія и замѣтки дѣятелей миссіи. 16) Воспоминанія обратившихся изъ расколо-сектантства въ православіе о жизни въ расколѣ. 17) Очерки и разсказы изъ современной религіозно-бытовой жизни православныхъ, раскольниковъ и сектантовъ. **Отдѣлъ VII.** 18) Отвѣты редакціи на вопросы изъ церковно-приходской практики. **Отдѣлъ VIII.** 19) Критика и библіографія съ обзоромъ духовныхъ журналовъ. **Отдѣлъ IX.** 20) Извѣстія и замѣтки. **Отдѣлъ X.** 21) Объявленія. **Приложение.** 22) Миссионерская поученія по Прологу и Четвѣтнадцатому.

Цѣль журнала — помочь священнику въ его паstryрско-миссионерской дѣятельности, дать ему своевременно все нужное по исторіи и обычаямъ современного расколо-сектантства и въ немъ самомъ поддерживать и возгрѣвать миссионерскую бодрость. Ни одно явленіе изъ жизни расколо-сектантства не будетъ упущенъ изъ вниманія, ни одно вновь появляющееся сочиненіе раскольническое не будетъ оставлено безъ отвѣта. Всѣмъ интересующимся расколо-сектантствомъ и борьбою съ нимъ журналъ постарается дать необходимое на потребу.

Журналъ выходитъ аккуратно 1 числа каждого мѣсяца въ объемѣ 8—10. печат. листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 5 руб. съ достав. и перес. (Допускается разсрочка).

Требованія и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Суворовскій пр., д. 65, кв. 15, въ Редакцію журнала «Православный Путеводитель» К. И. Плотникову.

Цѣна 35 коп.

www.donatamap.org

Отъ того же автора можно выписывать слѣдующія книги:

Интересы и нужды епархіальной жизни. 1902. Стр. 1—286.
Ц. 1 р. 25 к. *Одобрен. Учебн. Комитетомъ при Св. Синодѣ
для фундам. и ученич. библіотекъ дух. семин. и епарх. училищъ.*

Исторія Воронежской духовной семинаріи. Ч. I. Стр.
1—X, 1—235, ч. II, стр. 1—229. 1898—1899 г. Ц. 1 р.
50 к., съ перес. 1 р. 80 к. —*Одобрен. Учебн. Комитетомъ
при Св. Синодѣ для фундам. библ. духовн. семинарій.*

Спасопреображенскій Толшевскій монастырь. Стр. 1—
107; 1—32. 1901 г. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.